

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 185

РОССИЙСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
2007 год
ОБЪЕДИНЕННЫЙ
КАТАЛОГ

М.Ю. МАРТЫНОВА

**СЕРБИЯ-ЧЕРНОГОРИЯ-КОСОВО:
ОДНО ГОСУДАРСТВО ИЛИ ТРИ?**

Москва
2006

ISBN 5-201-13758-x (46)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 185.

Редакционная группа:

В. А. Тишков (отв.ред.)
Н. А. Лопуленко
М. Ю. Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

М.Ю. МАРТЫНОВА

СЕРБИЯ-ЧЕРНОГОРИЯ-КОСОВО: ОДНО ГОСУДАРСТВО ИЛИ ТРИ?

Работа выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда

Об авторе

МАРТЫНОВА Марина Юрьевна – доктор исторических наук, заместитель директора ИЭА РАН, заведующая Центром европейских и американских исследований. Область ее научных интересов – этнология населения Юго-Восточной Европы, этнические конфликты, права меньшинств, межкультурная коммуникация, мультикультурное образование. Она автор более 200 научных трудов, среди которых книги: «Хорваты. Этническая история» (М., 1988), «Новая этнополитическая карта Балкан» (М., 1995, в соавт. с М.С.Кашубой), «Балканский кризис: Народы и политика» (М., 1998), «Мир традиций и межкультурное общение» (М., 2004), «Такие разные, а так похожи» (М., 2003), «Европа. Библиотека энциклопедий для юношества» (М., 2001) и др.

About the Authors

MARINA MARTYNOVA

Professor, the deputy director of the Institute for Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, the head of the Department for European and American Studies. The main fields of her research are the anthropology of South-Eastern Europe, ethnic conflicts, minority rights, cross-cultural communication, multicultural education. She is the author of more than 200 publications including books: «Croats. Ethnic History» (Moscow, 1988), «Balkans. The New Ethnic and Political Map» (M., 1995), «Balkan Crises. Ethnic Groups and States» (M., 1998), «The world of traditions and cross-cultural communications» (M., 2004), etc.

Summary

Marina Martynova

SERBIA-MONTENEGRO-KOSOVO: ONE STATE OR THREE?

The paper is devoted to the problems of the present multiethnic diversity in the Balkans. The main attention is paid to the relations between Serbia, Montenegro and Kosovo. The author reviews the historical and nowadays events from the position of social anthropologist.

Возникнет ли на месте осколка Югославии – государственного сообщества Сербии и Черногории – три новых государства? Ответ на этот вопрос может быть дан уже в этом году. Черногория готовится к референдуму о независимости. Начаты переговоры об окончательном статусе автономного края Косово. Балканский регион, который в 90-е гг. XX в. стал ареной жесткой радикализации этнонациональных проектов, заставивших весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, экстремизма, терроризма, обеспечения прав меньшинств, вновь переживает беспокойные времена. Между тем, исход споров по поводу судьбы общего государства будет иметь значение не только для основных участников драмы, но, скорее всего, получит геополитический резонанс.

Раздел I

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ

30 апреля 2006 г. в Черногории состоится референдум о дальнейшей судьбе государственного сообщества Сербии и Черногории. Принята предложенная ЕС формула, согласно которой, чтобы считать ответ на вопрос референдума положительным, «за» должно проголосовать 55 % избирателей, принявших участие в референдуме. Осуществится ли мечта премьер-министра Мило Джукановича? Вопрос не звучит как риторический, тем более, что к голосованию не допущены черногорцы, проживающие в Сербии (а их там больше 260 тыс. при общей численности в 2003 г. зарегистрированных избирателей в Черногории 458 тыс. чел.).

СОДРУЖЕСТВО ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ СОЮЗ?

Государственное сообщество (или содружество) Сербия и Черногория возникло 4 февраля 2003 г., тогда же прекратила свое существование Союзная республика Югославия, т. н. третья Югославия. «Государственное содружество» – дословный перевод с сербского языка названия страны, хотя некоторые аналитики предпочитают интерпретировать его как «союз государств». Причем это объясняется не только лингвистическими тонкостями, но и рыхлостью структуры общего государства. В конце XX в., в тот период, когда Балканы

были охвачены дезинтеграционными процессами, двум республикам удалось остаться вместе. Спустя десятилетие их союз, казалось бы, удержали лишь международные посредники. Но не столь уж, как кажется, однозначно «за или против» единства высказывается общественность и Сербии, и Черногории. Шкала мнений по этому поводу варьирует в обеих республиках.

Что заставляет Серию и Черногорию держаться вместе и что в свою очередь подталкивает к разрыву? Учитывая, что при распаде СФРЮ, т. н. второй Югославии, созданной после Второй мировой войны, политические и экономические мотивы дезинтеграции подпитывались националистической идеологией, важным является исследование роли этнического фактора в сербско-черногорских отношениях. Для теории этничности также весьма показательным является изучение влияния политических игр и государства на конструирование идентичности, как гражданской, так и этнической, а также их взаимодействия. Надо сказать, что сербско-черногорский случай подливает масла в огонь непрекращающихся интеллектуальных баталий между примордиалистами и конструктивистами, обогащая доводами каждую из сторон.

В случае Сербии и Черногории этничность можно рассматривать скорее цементирующим, чем разъединяющим обстоя-

тельством. История контактов между этими двумя республиками не отличается этническим противостоением. Хотя в составе социалистической Югославии, как сербы, так и черногорцы, наряду со словенцами, македонцами, хорватами и «мусульманами» относились к категории «народы», разделительная линия между сербской и черногорской идентичностью едва уловима и весьма условна. Их роднит общность происхождения, язык и религия. Дискуссии о том, являются ли сербы и черногорцы разными народами или это – одна этническая группа, не прекращаются многие годы. Эти дебаты, а также конкретные случаи этнического самоопределения граждан балканских республик, подобно целому ряду примеров из других регионов мира, наглядно показывают, как в историческом процессе причины самого разного экономического, социального и политического характера становятся квинтэссенцией для кристаллизации этничности.

Территория как будущей Сербии, так и Черногории, была заселена славянскими племенами в VI-VII вв. Здесь в средние века происходило становление сербской государственности. Исторические пути сербских земель несколько разошлись в последующий период, когда в XIV в. Сербия была покорена Османской империей и оставалась под ее господством в течение пяти столетий. Территория же будущей Черногории благодаря горному ландшафту труднее поддавалась завоеванию, но в 1499 г. она все-таки была поделена между Османской империей и Венецией. Эти столетия, разумеется, не прошли бесследно для этнической истории Балкан в силу разных причин. Они сказываются по сегодняшний день не только сильными ориентальными напластованиями в культуре, но и последствиями значительного перемешивания населения, уходившего тогда под натиском завоевателей в более безопасные горные районы. Сам термин Черногория появился в XV в., так стали называть маленький возвышенный район, в котором укрылась митрополия, сделавшая немало для поддержания сербской самобытности.

В XIX в. население Сербии и Черногории вело против Османской империи совместные освободительные войны. Княжество Сербии стало автономным в 1817 г., но еще оставалось в составе Османской империи некоторое время. Черногория получила фактическую независимость в 1796 г., а с 1852 г. превратилась в наследственное княжество. Как Сербия, так и Черногория были признаны независимыми государствами на Берлинской мирной конференции 1878 г. (с 1882 г. Сербия, а с 1910 г. Черногория стали королевствами). В этот момент они были территориально разделены Санджаком, областью, все еще оставшейся под властью Османской империи. Сербия и Черногория стали соседями лишь после Балканских войн 1912–1913 г., в результате которых были значительно расширены территории обоих королевств: Санджак они поделили, кроме того, Сербия получила Македонию.

Но и это событие не стало последней страницей общей истории Сербии и Черногории. После Первой мировой войны большая часть югославянских земель распавшейся Австро-Венгрии объединилась в Королевство сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. переименованное в Югославию. Концепция югославизма возникла в XIX в. и разрабатывалась не только сербами, но и хорватами, и словенцами, причем ими даже в большей степени. Идея была связана с движением иллиризма, во главе которого стояли Людевит Гай (хорват), Иван Мажуранич (хорват), Станко Враз (словенец). Одним из воплощений югославской идеи был хорватский религиозный деятель епископ Иосип Юрий Штроссмайер, основавший в конце XIX в. в Загребе Югославскую академию наук и искусства.

Черногория вошла в состав нового государства, королями которого утвердились сербские монархи благодаря союзу с победоносной Антантой. Созданная страна проводила политику централизации, сопровождавшуюся отменой местного самоуправления. Таким образом Черногория утратила не только статус самостоятельного государства, но на время и автономию. Не-

однозначность черногорской идентичности тогда проявилась в том, что часть населения ее земель, т. н. «белые черногорцы») поддерживали просербскую политику. Единство с Сербией оспаривала оппозиция, ее сторонников называли «зелеными черногорцами».

После известных событий Второй мировой войны по Конституции 1946 г. Югославия была воссоздана как федерация шести республик – Боснии-Герцеговины, Македонии, Сербии, Словении, Хорватии и Черногории. Республика Сербия включала в себя автономный край Воеводину, где население отличалось пестрой этнической структурой при значительной доле венгров, и автономную область Косово с многочисленным албанским населением. Автономии были наданы меньшими правами, чем республики. Эти отличия, по мнению югославских властей, отражали как этническое многообразие населения, так и особенности его исторического развития. По Конституции 1946 г., нациями были провозглашены сербы, хорваты, словенцы, македонцы и черногорцы. Боснийские мусульмане получили статус нации позднее, в 1963 г. Главным критерием при ранжировании стало отсутствие государственности вне Югославии. На этом основании все прочие этнические группы независимо от их численности получали статус национальностей; таковыми были признаны, в частности, многочисленные венгры и албанцы – третья по величине этническая группа в стране. Важнейшим преимуществом наций в Югославии оказалось наделение каждой из них республикой, в которой они как бы становились доминирующей этнической группой. Это формальное ранжирование, при равных гражданских и культурных правах населения и вопреки курсу на политику строительства мультикультурного общества, стало уязвимым и впоследствии взрывоопасным идеологическим моментом.

Конституция 1953 г. укрепила роль республик, а Конституция 1963 г. и особенно поправки к ней 1967–1971 гг. пошли по пути еще большего поощрения регионализма

в югославской политической жизни. Радикальная реформа федерации была проведена в результате принятия в 1974 г. новой Конституции СФРЮ. Главным ее последствием стало предоставление еще большей самостоятельности всем субъектам федерации.

Постепенно республики все больше сосредотачивались на собственных интересах, отодвигая на задний план федеральные приоритеты. Националистический дискурс подпитывался этнической платформой югославского федерализма¹. Объективно раздробленная страна способствовала и существовавшая тогда система самоуправления в ее югославском варианте. В 1991 г. СФРЮ распалась. Сербия и Черногория в феврале 1992 г. провозгласили создание Союзной Республики Югославии. Из-за неблагоприятных обстоятельств это государство не было признано международным сообществом в качестве правопреемника СФРЮ.

Я не буду в данной статье описывать бурные события, последовавшие за распадом социалистической Югославии на всей ее обширной территории. Мое видение их описано в книге «Балканский кризис. Народы и политика», опубликованной в 1998 г. Здесь же сосредоточу внимание на сербско-черногорских отношениях.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Сербия и Черногория, равные по своему институциональному статусу в разные периоды истории их совместного государства – в СФРЮ, СРЮ и СЧ, весьма отличны по территориальным размерам и численности населения. Достаточно вспомнить, что площадь Сербии с автономными краями – 88,4 тыс. км², а Черногории – 13,8 тыс. км². Численность населения Сербии по результатам последней общегосударственной переписи 1991 г. – 9,79 млн. чел., в Черногории же тогда проживало 615 тыс. чел. Последние переписи населения, проведенные в Сербии в 2002 г., а в Черногории – в 2003 г., как и все предыдущие, показали, что обе

республики по-прежнему являются многоэтническими. Однако они выявили существенные и неординарные подвижки в структуре населения за прошедшие после распада единой страны годы.

Сербия в численном отношении была наиболее пестрой по этническому составу республикой социалистической Югославии. Сербь тогда составляли 65,4 % жителей Сербии. Второй по численности этнической группой были албанцы – 17,2 % (по данным переписи 1981 г., т. е. в 1991 г. албанцы отказались участвовать в переписи, а в 2002 г. в Косово, где албанцы в основном живут, перепись не проводилась). Кроме того, в Сербии проживали венгры (3,5 %), мусульмане-босняки – 2,4 %, хорваты, буньевцы, болгары, румыны, цыгане, русины, вlahи, черногорцы (около 140 тыс. чел.), македонцы, турки и др.

Более половины населения Черногории – 62 %, т. е. 380 тыс. чел., по переписи 1991 г., составляли черногорцы. В Черногории жили также мусульмане-босняки (15 %), сербы (9 %), албанцы (6,5 %) и др.²

Результаты новых переписей оказались, в общем-то, ожидаемыми, однако показали, что этнические процессы развиваются в Сербии и Черногории не синхронно и выявляют разную динамику в структуре населения.

Так, за период между двумя переписями (1991–2002 гг.) численность населения Сербии сократилась на 52 тыс. чел., что демографы прежде всего объясняют превышением количества смертей над количеством рождений³. Другая важная причина уменьшения числа жителей – отрицательное миграционное сальдо. Некоторые источники сообщают, что страну покинуло около 300 тыс. молодых людей во избежании службы в армии, 50 тыс. венгров, 60 тыс. хорватов, 300 тыс. албанцев⁴. Хотя эти цифры несколько завышены, о чем свидетельствуют данные переписи, динамику численности населения они отражают верно. Сербь тоже покидали страну, уехало несколько сотен тысяч, но приехало больше – по некоторым оценкам, свыше полумиллиона. Перепись 2002 г. в Сербии зафиксиро-

вала 380 тыс. прибывших сюда беженцев. Около 220 тыс. из них выехало из Хорватии, 124 тыс. – из Боснии-Герцеговины и по 6 тыс. – из Словении и Македонии. 93 % переселившихся – сербы. Хотя среди них также выявлено 5 тыс. хорватов, 3,1 тыс. – югославов, 1,5 тыс. босняков-мусульман. Это главным образом те, кто живет в этнически смешанных браках, а также офицеры Югославской народной армии, «не нарушившие клятву»⁵. Их относительно малое количество объясняет, почему переселение в республику беженцев сказалось на позитивном сальдо только сербов. В этом и ответ на вопрос, отчего численность сербов возросла в республике на 150 тыс.

Переписи населения государств – бывших югославских республик (Хорватии в 2001 г., Сербии в 2002 г., Словении в 2002 г., Македонии в 2002 г.) показывают, что в первое десятилетие после распада СФРЮ в каждом из них выросла доля этнического большинства и сократился процент меньшинств. В Хорватии, например, в 1981 г. хорваты составляли 75 %, а в 2001 г. их доля увеличилась до 92 %. В Сербии (без Косово) скачек в структуре не столь велик. Но численность сербов, тем не менее, возросла. Сербов раньше было 80 %, к 2002 г. стало 82,9 %. Тенденция к гомогенизации населения проявилась в этой республике, как на государственном, так и на региональном или локальном уровнях. Наибольшие изменения по сравнению с прошлой переписью претерпела численность сербов в Воеводине – это был наиболее предпочтительный район для миграций – там сербов стало больше на 20 тыс. чел., что в процентном отношении составляет 65 % вместо 57 % по данным 1991 г.

Для понимания сути демографических процессов важно уточнить, что в Косово последняя перепись населения проводилась в 1981 г., когда было установлено, что 1,59 млн. чел. или 80,9 % его населения составляют албанцы. По приблизительным подсчетам сегодня, с учетом жителей этого края, который формально входит в состав Сербии, 35 % ее населения относится к несербской категории. Если рассматривать

Сербию без Косово, то все равно около 14 % жителей республики самоопределились как представители иных этнических групп. По сравнению с 1991 г., когда проводилась предыдущая перепись, в Сербии кроме сербов, возросла численность лишь вlahов и цыган. Вlahов стало вместо 16 тыс. – 40 тыс., цыган вместо 90 тыс. – 108 тыс. Цыгане весьма активно приезжали из небезопасных для жизни Балканских регионов, высока у них и рождаемость. Что касается вlahов, то их естественный прирост принципиально не отличается от соседствующего населения. Увеличение количества представителей этой этнической группы более чем в два раза – явление недемографического характера, а показатель возрастания популярности «нетрадиционного» этнического самоопределения.

Все остальные этнические группы численно сократились. Количество македонцев уменьшилось с 44 тыс. до 26 тыс., хорватов – с 94 тыс. до 71 тыс. Наиболее значительные изменения в Сербии касаются югославов, черногорцев, «мусульман» и «национально не определившихся». Югославов стало в четыре раза меньше (с 312 тыс. до 80 тыс.), черногорцев на 49 тыс. меньше (со 118 тыс. до 69 тыс.). Многие из них записались как сербы.

«Мусульмане», в СФРЮ выделенные в отдельный народ, самоопределились в большинстве случаев как босняки (136 тыс.), лишь 20 тыс. чел. сохранили прежний этноним. Это связано с тем, что в 1993 г. в Сараево было принято решение об использовании для данной этнической группы этнонима босняки, известного, хотя и несколько в ином смысле, на территории Боснии и в предшествующие исторические периоды. Его потом утвердила скупщина (парламент) Боснии и Герцеговины. Аналогичное мнение в 1996 г. высказали и интеллектуалы Санджака, области в Сербии и Черногории, где живет главным образом население с мусульманской культурой. Часть же представителей данной этнической группы в Сербии не согласилась с решением о переименовании, сохранив для себя старое, производное от религии название. Сокра-

щение численности мусульман произошло также потому, что многие из них уезжали в Боснию и Герцеговину или на работу за границу. Сербские беженцы в Санджак ехали весьма неохотно, поэтому общее число жителей этой области также сократилось⁶.

Количество венгров (они живут компактно в автономном крае Воеводина, составляя по данным 2002 г. 14,3 % его населения) также уменьшилось на 40 тыс. Поскольку их активно принимала соседняя Венгрия, венгры охотно эмигрировали из страны, особенно молодежь. Это еще больше снизило самовоспроизводство этой этнической группы, у которой и без того традиционно низкая рождаемость.

Количество этнически «не определившихся», такая категория фиксировалась и в предыдущих переписях, возросло более всего – с 10 тыс. чел. до 108 тыс., что выразительно показывает характер этнополитического периода, который переживает Сербия. Почти пятикратно увеличилось число тех, кто высказался за региональное самоопределение – жители Воеводины активно называли себя воеводинцами, Баната – баначанами, Срема – сремцами и т. д. Как уже было показано, важная причина изменений в численности тех или иных этнических групп – этнический «трансфер» или «смена одежды». Это явление особенно характерно для полиэтничных регионов. Чаще всего отказывались от прежней идентичности югославы и черногорцы. Сербы имели позитивный трансфер.

Прошлые переписи также фиксировали большие изменения в этническом составе, но «актеры» каждый раз менялись. По данным первых трех послевоенных переписей (1948, 1953, 1961 гг.), наибольшие подвижки зафиксированы у мусульман, сербов и русских. «Мусульмане» лишь в 1961 г. стали самоопределяться как «мусульмане по этнической принадлежности», что привело к увеличению их численности. До этого они регистрировались как «не определившиеся югославы» или как сербы, хорваты, черногорцы – преимущественно в зависимости от места проживания.

В противоположном направлении в послевоенный период изменялась численность русских и немцев. Количество первых в центральной Сербии и Воеводине уменьшилось с 13 тыс. в 1948 г. до 7,5 тыс. чел. в 1953 г., вторых – с 46 тыс. в 1953 г. до 14 тыс. в 1961 г. Как известно, в этот период происходил выезд лиц этих национальностей из Югославии. В противоположность этому, численность цыган с 1961 г. росла. Особенно много стало их в начале 80-х гг., на всей территории Югославии – 170 тыс. В Сербии к 1991 г. цыгане достигли рекордной цифры в 140 тыс. (в значительной степени за счет естественного прироста, но и в результате смены идентичности). Влахов также стало больше за счет этнической эмансипации, ранее они записывались как сербы.

Как было уже подчеркнуто, Конституция СФРЮ предоставляла гражданам право не определять свою этническую принадлежность. Часть граждан поэтому, а какая-то – в силу приверженности идеям югославизма, стала идентифицироваться как югославы, что было впервые зафиксировано в 1961 г. в переписи населения. В 60–70 гг. XX в. численность югославов росла, достигнув к 1981 г. 1,2 млн. чел. (что составляло 5,4 % населения страны). Но уже при следующей переписи (1991 г.), когда распадалась Югославия, быть югославом стало не популярно. Тогда произошло резкое падение численности этой группы – до 690 тыс. Последняя перепись зафиксировала в Сербии 80 тыс. югославов вместо 312 тыс. в 1991 г. Эта смена самоопределения привела к перераспределению в численности этнических групп в стране.

С ликвидацией СРЮгославии термин «югославы» утратил формальную почву для существования. Сербия, которая долгие всех прочих югославских республик держалась за сохранение традиционного названия, похоже сейчас не испытывает особой ностальгии. По результатам некоторых исследований, уже в середине 90-х гг. население чаще упоминало в качестве своей родины республику Сербию, а не страну СРЮ.

Социальный психолог Драгомир Пантич, например, отмечает, что опрос, прове-

денный в декабре 2002 г., показал незаинтересованность жителей Сербии в судьбе общего с черногорцами государства⁷. В качестве наиболее важной социальной проблемы только в 1 из 1000 случаев упоминались неурегулированные отношения с Черногорией, из чего следует, что трансформация югославской федерации, исчезновение термина «югославянство» мало волнует сербов. На первое место вышли экономические проблемы, обеспокоенность результатами реформ в стране, развитием демократии.

Аналогичную точку зрения высказывает и историк Боян Димитриевич. Он полагает, что СРЮ уже более 10 лет имеет дело с «мутировавшим югославизмом», который на самом деле является сербско-черногорским объединением. Поэтому, по его мнению, с исчезновением термина «югославянство» просто-напросто вещи стали называться своими именами.

Не только в социалистической, но и в «первой» Югославии (королевстве), сербы часто идентифицировались двойко: прежде всего, как сербы, затем – как югославы. В то же время у черногорцев бытовала тройная идентичность, часть населения ощущала себя одновременно черногорцами, югославами и сербами. «С исчезновением термина «югославы», отмечает исследователь, мы избавимся от заблуждения. Ведь термин югославянство связан не с Сербией и Черногорией, а с более широким балканским пространством. Означает ли это, что термин «югославянство» будет забыт? Драгомир Пантич полагает, что нет. По его мнению, когда национализм и взаимные обвинения ослабеют, ощущение общности возобновится⁸.

Изменение статуса Сербии и Черногории в 2003 г. также, скорее всего, приведет к смене идентичности частью населения. Каким объединительным термином можно назвать жителей Государственного содружества? Будет ли он применяться вместо термина «югослав»? По этому поводу ведутся дебаты. Уже возникают такие вариации этнонима как сербчорногорец, черносерб, черногоросерб⁹. Пока это звучит, как

шутка. В начале XXI в. в Сербии живет 69 тыс. чел., назвавших себя черногорцами, а 57 % жителей Черногории самоопределились как сербы. Определенные круги в обеих республиках обеспокоены тем, что теперь эти группы населения приобретут статус этнических меньшинств. Проблема возникает и для ряда других этнических групп. Так, босняки («мусульмане»), населяющие помимо Боснии и Герцеговины область на юге Сербии и Черногории – Санджак, теперь оказались поделенными на две части (их около 100 тыс. в Черногории и в два раза больше в Сербии).

И все-таки главным и достаточно неожиданным результатом переписи населения Черногории стал тот факт, что в отличие от других бывших югославских республик численность ее населения согласно самоопределению граждан выросла отнюдь не за счет черногорского этнического компонента¹⁰. В 2003 г. лишь 40,6 % граждан Черногории назвали себя черногорцами, тогда как в 1991 г. таковых было на 21,3 % больше! В то же время доля этнических сербов выросла с 9,3 % до 30 %. Таким образом, те, кто называет себя черногорцами, уже не стали составлять большинство населения республики. Цифры еще более впечатляющи, если их сравнить с данными 1981 г. Черногорцев тогда здесь было 400,5 тыс., а сербов – менее 20 тыс. То есть численность тех, кто посчитал себя сербом, в Черногории за 20 лет выросла в 10 раз¹¹. В 2003 г. черногорцев в республике – 273 тыс., а сербов – 201 тыс. Если рассмотреть материалы последних переписей по двум республикам в сумме, то количество черногорцев составляет 342 тыс., из которых 69 тыс. – жители Сербии. Двадцать лет назад их число приближалось к полумиллиону.

Традиционный раскол между так называемыми «белыми черногорцами», которые поддерживают объединение с Сербией, и «зелеными черногорцами», выступающими за независимость является тем фактором, который сдерживает сепаратистские устремления сторонников отделения Черногории и делает отнюдь не predetermined результатом возможного референдума по этому поводу.

Таблица 1

Этнический состав населения Сербии по переписям 1991 и 2002 гг.^{*}

Этнические группы	1991 г.		2002 г.	
	Численность	%	Численность	%
Сербы	6040854	79,93	6.212.838	82,86
Черногорцы	117570	1,55	69049	0,92
Югославы	311753	4,12	80721	1,08
Албанцы	72699	1,02	61647	0,82
Босняки	-	-	136087	1,82
Мусульмане	175729	2,35	19503	0,26
Венгры	337080	4,46	293299	3,91
Македонцы	43933	0,58	25847	0,35
Цыгане	90016	1,21	108193	1,44
Неопределенные	9944	0,13	107732	1,44
Региональная принадлежность	4717	0,06	11485	0,15
Всего	7548978	100	7498001	100

^{*}Население Косово и Метохии не включено.

Источник: Republički zavod za statistiku, Beograd, 2003. Saopštenje br. 295.

Таблица 2

Этнический состав населения Черногории по переписям 1991 и 2003 гг.

Этнические группы	1991 г.		2003 г.	
	Численность	%	Численность	%
Черногорцы	380467	61,9	273366	40,64
Сербы	57453	9,3	201892	30,01
Босняки	-	-	63.272	9,41
Мусульмане	89614	14,6	28714	4,27
Албанцы	40415	6,6	47682	7,09
Хорваты	6244	1,0	7062	1,05
Цыгане	3282	0,5	2875	0,43
Югославы	26159	4,3	-	-
Всего	615035	100	672656	100

Источник: Popis stanovništva, Savezni zavod za statistiku, Beograd, 1992; Institut za statistiku Crne Gore, Podgorica, 2004.

ТЕМА РЕГИОНИЗАЦИИ, АВТОНОМИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

В свете демографических перемен для Черногории животрепещущим оказывается вопрос – кто же является этническим меньшинством в республике. Почти 60 %

е жителей – не черногорцы? Если в 1991 г. 61,6 % населения Черногории, проживая в республике, самоопределилось в какой-то степени исходя из места своего рождения или жительства, то теперь появились причины разбираться в своем генеалогическом древе, руководствуясь выгодностью того или другого самоопределения. Сербь сегодня составляют 30 % жителей Черногории, босняки – 9,4 %, мусульмане (в этническом смысле) – 4,27 %, албанцы – 7 %, хорваты – 1 %, цыгане – 0,43 %¹². Все чаще в маленькой республике раздаются голоса сторонников ее регионализации по этническому принципу. Например, организовывается сбор подписей под петициями за автономию албанских районов¹³. Гражданская идентичность стала явно менее популярной, и это в определенной мере спровоцировано усилениями сторонников независимости Черногории.

Что же касается Сербии, то для нее тема этнонационализма и этнических меньшинств не менее болезненна. Как известно, судьба ее края – Косово, населенного преимущественно албанцами, одна из наиболее острых проблем на Балканах сегодня¹⁴. Многоэтничная Воеводина тоже не безмолвствует. Она не раз заявляла о стремлении к конституционной самостоятельности в Сербии, а также о притязаниях на различные формы автономий, базирующихся на этническом принципе. Резолюция Европарламента о ситуации в Воеводине напоминает о необходимости урегулирования этого вопроса. Санджак, область Сербии и Черногории, где живут босняки, после отделения близкой к ним по культуре Боснии и Герцеговины, тоже не против автономии области.

Сейчас в Сербии есть сторонники, как централизации власти, так и борцы за права автономий. К проблеме межэтнических отношений примыкает вопрос о возможной замене нынешней структуры Сербии, включающей два автономных края, регионализацией республики. Сторонники этой идеи полагают, что ее реализация сократит вероятность межэтнических трений, а, с другой стороны, – будет способствовать пре-

сечению тенденций к централизации и поможет внедрению современной трактовки местного самоуправления. В апреле 2003 г., например, Центр либерально-демократических исследований предложил на суд общественности свою модель регионализации Сербии. Ее авторы исходили из того, что право на автономию – это право, а не обязанность граждан. Поэтому оно должно быть доступно всем. В региональную организацию, по мнению авторов проекта, могло бы объединяться население соседних общин на основе свободного волеизъявления¹⁵.

На общественное обсуждение уже выносились несколько вариантов децентрализации и регионализации Сербии. Они выражают различие взглядов представителей тех или иных партий на место автономного края Воеводины в Сербии. На одном полюсе двух крайних точек зрения – устранение автономии с целью ликвидации образований по этническому принципу и обеспечения построения гражданского общества, на другом – признание Воеводины отдельной республикой наравне с Сербией и Черногорией. Ставится вопрос о ее большей экономической и политической самостоятельности и предлагаются варианты обеспечения широкой автономии. Скупщина Сербии еще в начале 2002 г. в принципе одобрила внесенный на рассмотрение скупщиной Воеводины законопроект об утверждении полномочий автономного края Воеводины. Согласно некоторым оценкам правящая коалиция поддержала законопроект из-за ультимативной угрозы блока воеводинских партий отказать в доверии правительству, которое и без того переживало серьезные трудности. Представляется, что дискуссии вокруг закона были излишне политизированы.

Нельзя не подчеркнуть, что и Сербия, и Черногория осознают актуальность для себя проблемы межэтнических отношений. Поэтому правовое оформление этнического дискурса Сербии и Черногории – важная тема их внутренней политики, как на союзном, так и на республиканском уровнях. В этой связи в феврале 2002 г., еще в рамках прошлого государственного образова-

ния – СРЮ, был принят Закон о защите прав и свобод национальных меньшинств. Но сейчас он действует только на территории Сербии. Принят Закон о локальном самоуправлении и некоторые другие законы, затрагивающие этническую сферу жизни. В 2004 г. в Сербии создан Совет по национальным меньшинствам при Правительстве Сербии.

Черногория пошла по пути выработки собственного инструментария в этой сфере. Аналогичный орган – Совет по защите и охране национальной, культурной и иной идентичности этнических групп, которым руководит президент республики, был там учрежден даже раньше – в начале 90-х гг. прошлого века. Действует Министерство по защите прав национальных меньшинств, начата работа по подготовке собственного закона. Но после подсчета результатов переписи населения инициаторы его написания оказались в некотором замешательстве. Захотят ли представители всех этнических групп поддержать принятие этого закона, с учетом, что часть из них Черногорию рассматривают своей родиной, а свою этническую группу – одной из конституционных в стране? Надо подчеркнуть, что активную позицию в политической и общественной жизни занимают представители практически всех этнических групп, как в Сербии, так и в Черногории. Поэтому их настроения нельзя недоучитывать¹⁶.

ПРОБЛЕМЫ РОДНОГО ЯЗЫКА

Перепись населения зафиксировала данные о родном языке. Они показали, что для подавляющего большинства жителей центральной Сербии и Воеводины родным является сербский язык (6,62 млн.). На втором и третьем местах – венгерский язык – 286 тыс. и боснийский – 134 тыс. Интересно сравнить данные об этнической самоидентификации с показателями о родном языке. Сербов, например, по переписи – 6,21 млн. чел., тогда как родным назвали сербский язык 6,62 млн. Из почти 156 тыс. босняков и мусульман родным считают боснийский язык 134 тыс. Венгров – 293 тыс. чел., с родным венгерским языком – 286 тыс.¹⁷

Подавляющее большинство населения территории прежней Югославии говорит на южнославянских языках – сербском, хорватском (ранее – сербско-хорватский), словенском и македонском. Еще задолго до возникновения первой Югославии, в 1850 г., в Вене крупнейшие сербские, хорватские и словенские ученые подписали т. н. литературное соглашение. Они выступили против различных наречий и призвали пользоваться одним из них. В 1951 г. в г. Нови Сад было подписано еще одно соглашение – о литературных нормах сербско-хорватского языка. Литературный язык, как сербский, так и хорватский, основан на штокавском диалекте. Кроме того, на территории Хорватии употреблялся чакавский и кайкавский диалекты. В настоящее время в хорватский язык стали внедряться ранее исчезнувшие из употребления слова. В Хорватии в процессе суверенизации отказались от прежних договоренностей, что нашло отражение уже в поправках к Конституции СФРЮ 1974 г., затем в Конституции СФРЮ 1990 г., язык стал называться хорватским. Сейчас тот же процесс идет в Боснии и Герцеговине (по ее Конституции государственный язык – боснийский), а также в Черногории.

Язык на протяжении всего периода балканского кризиса был инструментом политической борьбы во всех республиках. Сейчас в Черногории заметно стремление поменять не только чисто юридически название языка на «черногорский», но и включить в него новые звуки и слова. В официальных речах язык называют в лучшем случае «матерний», что означает по-сербски, несмотря на созвучие с русским термином, вовсе не матерный, а родной. Будто родной язык может быть безымянным. Противники этого процесса весной 2003 г. основали в Черногории Общество защиты сербского языка и кириллицы.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

По данным переписи 2002 г., 95 % населения центральной Сербии и Воеводины относит себя к представителям той или

нной религии. Прошлая перепись 1991 г. зафиксировала этот показатель на уровне 92,7 %. Численность атеистов в 2002 г. – 40 тыс., тогда 11 лет назад их было 160 тыс. Больше всего – 6,37 млн. – в республике православных, это – сербы, черногорцы, болгары, румыны, македонцы, вlahи, цыгане и русины. На втором месте (411 тыс.) – католики. К ним относятся венгры, хорваты, буньевцы и др. Мусульманами себя назвали 240 тыс. (босняки-мусульмане, албанцы, турки, часть цыган). Протестантов – 80 тыс. Среди них – венгры, немцы, чехи, словаки. Численность православных и мусульман возросла, но очень незначительно. Католиков стало меньше на 85 тыс. Значительно увеличилось количество поклонников нетрадиционных религий и сект. В 1991 г. их было чуть более 5 тыс., спустя 11 лет уже около 19 тыс.

Специалисты обращают внимание на то, что данные о конфессиональной принадлежности и о степени религиозности не совпадают. В первом случае речь идет о конфессиональной самоидентификации, во втором – об истинной вере. Исследование 1999 г. показывает, что верующие составляли тогда 60% населения Сербии. Апогей процесса возвращения к религии относится к 1993–94 гг., когда согласно анализу, доля верующих возросла до 70 %¹⁸.

К сожалению, пока мы не располагаем данными о конфессиональном составе населения Черногории по переписи 2003 г., но совершенно очевидно, что расхождений, касающихся собственно веры, у сербов и черногорцев нет: те и другие – православные. Вместе с тем, православная церковь в Черногории переживает тяжелые времена, поскольку, как и в других регионах бывшей Югославии, не смогла остаться в стороне от политической борьбы, охватившей черногорское общество. В силу политизации вопросов церкви как результат процессов, которые протекают в последние десятилетия на Балканах, Черногория сейчас имеет две православные юрисдикции. Наряду с относящейся к Сербской Православной Церкви Митрополией черногорско-приморской во главе с митрополи-

том Амфилохием в 1993 г. объявила себя автокефальной Черногорская Православная Церковь, возглавляемая митрополитом Черногорским Михаилом (Мираш Дедич). Архиепископ его поставил «параллельный» раскольничий патриарх Болгарский Пимен. Не признанная ни одной из канонических юрисдикций ЧПЦ в январе 2000 г. была зарегистрирована властями республики. Количество священнослужителей ЧПЦ не превышает десяти, причем многие из них живут за пределами Черногории, в т. ч. в России. Она имеет около 30 церковных зданий, в основном это небольшие деревенские храмы. Соотношение верующих двух юрисдикций в Черногории даже приблизительно не известно.

Черногорская православная церковь и ее лидер Мираш Дедич поддерживают курс черногорского руководства на выход из состава федерации. В отличие от нее Сербская Православная Церковь выступает за совместное государство Сербии и Черногории. В январе 2005 г. в одном из черногорских монастырей при благословении митрополита Амфилохия была принята Декларация о защите общего государства, церкви и языка. Аналогичное движение сформировано и в Белграде¹⁹.

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ В СОСТАВЕ СРЮ

Рассмотрим политическую канву отношений Сербии и Черногории после распада СФРЮ, поскольку она наглядно показывает, как могут взгляды и амбиции политических лидеров вершить судьбу населения того или иного региона.

В условиях дезинтеграционных процессов лишь две республики из шести, входивших в Югославскую федерацию, выступили против распада страны – Сербия и Черногория. 27 апреля 1992 г. было провозглашено создание Союзной Республики Югославии (СРЮ), состоявшей из двух республик и двух автономных краев – Воеводины на севере Сербии и Косово и Метохии – на юге. Сербия и Черногория сильно различались между собой по численно-

сти населения, экономическому потенциалу и политическому весу в стране. Между тем именно маленькая республика Черногория давала основание, подобно своей предшественнице СФРЮ, называть СРЮ федерацией.

В 1991 г. вопрос о государственности Черногории был решен ее гражданами путем референдума. Тогда подавляющее большинство жителей Черногории высказалось за объединение с Сербией. Вместе с тем, реализация решения о создании союзного государства проходила неоднозначно и спорно. Процесс возникновения СРЮ сопровождался закулисными играми, в ходе которых черногорская руководящая элита пыталась войти в новую федерацию на наиболее благоприятных условиях. В результате нескольких переговоров руководства республик и даже уступок черногорской стороне (С. Милошевич решил, что формально-правовые уступки Черногории в силу ее размеров не сильно повредят позициям Сербии) была выработана конституция, ее утвердили 27 апреля 1992 г., в день провозглашения страны.

Конституция закрепила федеративное устройство СРЮ, «как суверенного союзного государства, основанного на равноправии граждан и равноправии республик — ее членов». Был утвержден двухпалатный парламент (скупщина), состоявший из двух палат: Веча республик (предусматривалось равное представительство республик) и Веча граждан (90 депутатов Сербии и 30 депутатов Черногории). Поскольку численность населения Сербии в 17 раз больше Черногории, было решено при выборах в нижнюю палату (граждан) отказаться от принципа «один человек — один голос». Это решение дало повод его критикам утверждать, что таким образом голос черногорца в пять раз весомее голоса его коллеги — серба. В верхнюю палату (республик) субъекты федерации избирали по 20 членов²⁰.

Федерация СРЮ являлась формой государственного устройства, балансирующего «где-то между» унитарной страной и конфедерацией. Бесспорно, что Конституция СРЮ имела несколько принципиальных

конфедеративных подходов, на которых в процессе создания СРЮ настояла черногорская сторона. Нужно отметить, что примененные идеи известны в практике федерализма, и в них, как правило, заинтересованы более мелкие федеральные единицы. В ситуации, когда федерация имела лишь два составляющих ее члена, а, кроме того, при существенных различиях в весовых категориях Сербии и Черногории, это представлялось логичным.

В качестве элементов конфедерализма могли рассматриваться принципы выбора депутатов в нижнюю палату парламента, а также некоторые другие принципы тогдашнего устройства страны. Отдельные авторы считают элементом конфедерализма также одинаковое число депутатов из Сербии и Черногории в верхней палате. В мировой практике часто более крупная федеральная единица имеет больше представителей в парламенте. Примером являются Германия, Австрия, Канада, Индия. Вместе с тем, одинаковое число представителей в верхней палате типично для федераций, утверждено в США и позднее заимствовано другими странами. Скорее как элемент конфедерализма может рассматриваться принцип выбора депутатов в Палату республик. Их выдвигали республиканские скупщины (парламенты) из числа своих депутатов, а не избиратели напрямую.

К признакам конфедерализма также относятся правила внесения изменений в конституцию, правила принятия некоторых законов, порядок поддержания международных связей республиками (см. ст. 2, 3, 6, 77, 90, 97, 135, 140, 141 и др.). В частности, решение по поводу внесения изменений в конституцию принимали палаты союзного парламента. Это типично для федераций. Но для внесения предложения об изменении конституции, а также утверждения самого факта ее изменения, необходимо было согласие двух третей голосов депутатов обеих палат. Это означало, что практически 14 депутатов из одной федеральной единицы в Палате республик могли помешать изменению конституции.

Если формально все-таки подобный подход являлся федеративным, то принцип из-

менения восьми важнейших статей конституции полностью соответствовал конфедерации. А именно, как для внесения предложения, так и для самого факта их изменения было недостаточно двух третей голосов Палаты граждан в союзной скупшине, но требовалось и согласие республиканских скупщин.

Как конфедеративное решение может рассматриваться положение, по которому Сербия и Черногория могли иметь международные контакты, открывать собственные представительства в других странах, вступать в международные организации и заключать международные договоры, естественно, не нанося ущерба СРЮ (ст. 7). К тому же рангу относилось наличие коллективного трехчленного верховного военного командования, в состав которого входили президенты республик, а также правило, согласно которому президент страны и председатель правительства не могли быть из одной республики (Конституция СРЮ, ст. 97, 135).

Что касается организации власти, конституция утверждала парламентский тип устройства с очень сильной союзной властью и слабым президентом. Полномочия союзной власти были велики. Она утверждала и осуществляла внутреннюю и внешнюю политику, устанавливала отношения с другими странами, имела генеральные право при принятии законов, образовывала и ликвидировала министерства, имела собственные нормативные функции, а также обладала возможностью распустить собственный парламент (ст. 83, 99). Конституцией СРЮ союзная власть была утверждена как ядро политической системы, чем в известном смысле нарушалось равновесие между парламентом и властью в пользу последней.

В международном плане федерация обладала тремя необходимыми правами суверенного государства: а) принятия решений о войне и мире; б) представления страны и в) заключения международных договоров. Наряду с международными политическими отношениями федеральный уровень включал в себя систему внешней торговли, сис-

тему кредитных отношений с зарубежными партнерами, а также режим международных и прибрежных вод. В Конституции эти полномочия были закреплены либо через полномочия федерации (ст. 77), либо через полномочия ее органов: Союзной Скупщины (парламента) (ст. 78), Президента Республики (ст. 96) и Союзных властей (ст. 99). И, наконец, сама Конституция, подобно почти всем федеральным конституциям, относится к числу т. н. «твердых» конституций, что означает, что процедура ее изменения очень сложна и тяжела.

Из трех известных методов разделения полномочий между федерациями и федеральными единицами был выбран наиболее часто встречающийся (примененный в США, Германии, Швейцарии, Австрии): конституция предусматривала исключительные полномочия федерации. Был применен также классический федеральный принцип разделенного суверенитета. Его суть заключается в том, что при решении внутривнутриполитических вопросов суверенными являются как федерация в целом, так и федеральные единицы, тогда как в международных отношениях преимущественное право принадлежит федерации. В СРЮ из важнейших внутренних полномочий федерации принадлежали вопросы обороны и безопасности страны; защиты прав и свобод человека; обеспечения единого торгового пространства, единых денежной, банковской и таможенной систем; научно-технологического развития и некоторые другие.

Можно согласиться с теми авторами, которые называли отношения Сербии и Черногории «фасадным федерализмом». Задолго до избрания С. Милошевича президентом СРЮ, уже в бытность президентом Сербии в его руках была сосредоточена основная власть в стране. Руководство Черногории в целом сначала занимало просербскую позицию. В результате многопартийных выборов в парламент Черногории в 1990 г. победу одержали коммунисты, которые и возглавили реформы в этой республике; суть их они выразили в лозунге «политическая демократия плюс экономическая эффективность».

Среди основных политических сил Черногории выделялись в то время два течения: одно, поддерживаемое официальными властями, выступало за баланс между Черногорией и Сербией. Другое составляли те, кто считал, что черногорцы – это сербы, а значит надо просто воссоединиться с Сербией. Эту позицию поддерживала *Народная партия*. Но не бездействовала и оппозиция, которая была против ориентации на Сербию.

Вопрос о месте Черногории в Югославии, о характере взаимоотношений в новой федерации широко обсуждался в республике на протяжении всего периода существования СРЮ. В частности, выдвигалось предложение о внесении изменений в союзную конституцию. Разговоры о поправках к конституции были неоднозначно восприняты в стране, различные партии и движения отнеслись к этому по-разному. Правившая тогда *Партия социалистов* (ДПС), которая имела абсолютное большинство в черногорском парламенте, считала, что в столь трудные времена не подходящий момент для изменения конституции, хотя и признавала некоторые ее слабые моменты. Оппозиционные партии выдвигали предложения о переменных в федеральных взаимоотношениях. Некоторые из них верили, что это даст шанс для большей самостоятельности Черногории; другие же, наоборот, полагали, что в отношениях между двумя близкими республиками исчезнут все конфедеративные элементы.

Самая сильная оппозиционная партия Черногории того времени – *Народная партия* поддерживала изменение конституции по другой причине. Она считала, что действовавшая конституция являлась результатом договоренности двух правящих партий Сербии и Черногории и поэтому изобиловала коммунистическими рецидивами. По мнению ее лидеров, федеральные власти должны были вести себя более жестко и активнее вмешиваться в дела республик. По оценкам *Социал-демократической партии* в Югославии шел процесс централизации и потери государственности Черногорией. Поэтому эта партия выступала за

конфедеративное устройство, при котором Черногория сохранила бы свой суверенитет. Против отделения Черногории и строительства суверенного государства выступала *Сербская радикальная партия*. Дилемму статуса федерации они решали одной фразой: «Мы за Большую Сербию». Партия требовала усиления федеративной страны и полной ликвидации границ между двумя республиками. На независимости настаивали партии албанцев и мусульман.

В конце 1997 г. на президентских выборах Черногории победил Мило Джуканович, представитель незадолго до этого возникшей коалиции «*За лучшую жизнь*», объединившей Демократическую партию социалистов Черногории, Народную партию и Социал-демократическую партию. Мило Джуканович, поддерживаемый элитой и деловыми кругами республики, взял курс на модернизацию отношений с Сербией, вновь актуализировал вопрос о месте Черногории в Югославской федерации. В тот период он заявил, что Черногория не выйдет из состава Югославии, но и диктату Белграда подчиняться не будет. Главным пунктом разногласий стало видение характера федеративных отношений, поскольку в Черногории усилилась тенденция к стремлению превратить федеративные отношения в конфедеративные. Так что проблема сербско-черногорских отношений актуальна уже как минимум девять лет.

Претензии Джукановича к федеральным властям включали требование замены союзного премьера Момира Булатовича и всех 20 депутатов от Черногории в Вече республик Скупщины СРЮ представителями нового правящего в Черногории большинства.

Джуканович выступил также за большую экономическую самостоятельность республики. Черногория была объявлена свободной экономической зоной. В апреле 1998 г. новый президент Черногории предложил президенту, правительству и Скупщине СРЮ свой проект плана макроэкономической политики «*Стратегические инициативы СРЮ – основы программы для нового начала*». Основными принципами документа стали «интернационализация

экономической и общественной жизни СРЮ, экономические реформы, приватизация и предпринимательство, господство права и демократизация политической системы, социальная правда и уверенность». Этот проект требовал изменения не только экономической системы, но и способа управления государством, прямо затрагивал характер власти в Югославии. Инициатива Джукановича представляла собой беспощадную критику современного положения, но и была полна оптимизма, что радикальными реформами можно создать условия для уверенной и достойной жизни граждан СРЮ.

Власти Белграда в тот период делали все, чтобы обеспечить единство Югославии. Впрочем, и Черногория довольно долго балансировала между стремлением к независимости и верностью союзному государству. Этому было несколько объяснений. Прежде всего, народ республики с трудом воспринимал мысль о жизни врозь, да и лидеры осознавали сомнительную возможность существования в автономном режиме экономики республики, единственным источником доходов которой является туризм. Не вдохновлял и пример других бывших югославских республик. Как сказал один из руководителей самой крупной парламентской фракции (Демократической партии) Ранко Кривокапич. «Посмотрите, что делается в Македонии!»

Черногория не спешила отделиться от Югославии еще и потому, что не вполне ясна этническая идентификация черногорцев. Напомним, что по переписи 1991 г. лишь 62 %, т. е. 380 тыс. населения Черногории считало себя этническими черногорцами. Причем по некоторым исследованиям значительная часть этой группы ощущала себя одновременно и черногорцами, и сербами. Вдобавок, 10 % граждан просто самоидентифицировалось как сербы.

Мило Джуканович был резко против политики Слободана Милошевича. В период правления последнего возглавляемая Джукановичем Демократическая партия социалистов Черногории опубликовала программное заявление «Исходные основы

установления новых отношений между Черногорией и Сербией». В документе говорилось, что «проект единого государства, основанного на югославской идее, остался в прошлом». Партия выступила за союз суверенных государств, обем республикам предлагалось раздельно вступить в ООН, СЕ и ЕС, а потом уже объединиться. (Три другие парламентские партии сразу же высказались резко против.)

М. Джуканович говорил о необходимости конституционной реформы, выступал за превращение федерации в конфедерацию, но при этом, что характерно, был против превращения Косово в третью федеральную единицу.

Надо отметить, что Конституция СРЮ не предусматривала процедуру возможного разделения страны. Противники государственного размежевания, а таких в Черногории было от 40 до 50 %, напомнили об этом, утверждая, что республика уже сделала свой выбор в 1992 г., отказавшись от самостоятельности и вступив в СРЮ. В ответ на позицию Черногории федеральный парламент в 2000 г. внес поправку в конституцию страны. Но она не способствовала смягчению ситуации, а напротив, укрепляла власть союзного президента и вводила прямые выборы в палату республик. Как следствие – партии, выступавшие за независимость Черногории, бойкотировали приближавшиеся федеральные выборы.

В Сербии президентская избирательная кампания привела к образованию демократического оппозиционного фронта (*Демократическая оппозиция Сербии, ДОС*), объединившегося вокруг Воислава Коштуницы. Революционные потрясения привели к падению С. Милошевича и образованию в Сербии прозападного правительства²¹.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОДРУЖЕСТВА СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ

14 марта 2002 г. было подписано т. н. *Белградское соглашение* об основных принципах переустройства отношений между Сербией и Черногорией, упразднении СРЮ

и создании нового государства – Сербии и Черногории. Главой парламента – Скупщины Сербии и Черногории стал сербский представитель – Драголюб Мичунович. Первым президентом сообщества избран черногорец Светозар Марович²².

Только активное давление Евросоюза заставило представителей СРЮ, Сербии и Черногории, наконец, свернуть бесконечные переговоры и заключить соглашение весьма общего характера, не давшее ответа на многие вопросы практического функционирования будущего государства. Затем последовал период затяжек и проволочек. Невольно создавалось впечатление, что Евросоюз больше Сербии и Черногории заинтересован в реализации Белградского соглашения. ЕС считает решение этого вопроса обязательной предпосылкой стабилизации обстановки на Балканах и подключения СиЧ к европейским интеграционным структурам.

Соглашение являлось в известной степени вынужденным и компромиссным. Одни, как известно, считают, что оно не обеспечивает сохранения единого функционального государства, другие обвиняют его авторов в чрезмерных уступках сепаратистам. Понятно, что документ не являлся идеальным для обеих республик. Тем не менее сербское руководство в тот период считало его ключевым для прогресса и стабильности, по меньшей мере, на три года сохранявшим единое государство. Хотя в Белграде все-таки высказывалось недовольство чрезмерными, как там полагали, уступками требованиям Черногории, в которых усматривали неоправданное принижение роли Сербии. В Сербии не было полного единодушия относительно нового государственного образования. Так, многие ведущие сербские экономисты считали, что оно не обеспечивает действительного функционирования совместного рынка и в этом смысле обречено на провал. Впрочем, идея изменения сербско-черногорских отношений больше воспринималась как пиаровский ход Демокристической партии Сербии в борьбе за повышение своего политического влияния.

Еще сложнее обстояло дело с Черногорией. Поборники независимости республики объявляли подписание соглашения предательством этой идеи. Из внутривнутриполитических соображений президент Мило Джуканович (ныне премьер) и премьер Филип Вуянович (ныне президент) оправдывались тем, что их подписи означали лишь своего рода тактический зигзаг на пути к независимости. Джуканович пытался трактовать это соглашение не как сохранение общего государства, а как союз двух суверенных государств. Он воспринимал его лишь как трехлетнюю отсрочку полной реализации курса руководства республики на независимость Черногории, т. е. именно на этот срок было решено отложить окончательное решение вопроса.

Соглашение в Подгорице было ратифицировано, прежде всего, голосами депутатов от двух главных политических оппонентов – правящей Демократической партии социалистов Черногории и Социалистической народной партии Черногории. Но мотивировка их позиций была диаметрально противоположной. Мило Джуканович и Филип Вуянович подчеркивали вынужденный характер соглашения, которое, однако, по их мнению, сохраняло все «завоевания» Черногории на пути реформ и достижения независимости. Они обещали, что через три года референдум по этому вопросу все-таки будет проведен. А Народные социалисты видели в соглашении выражение воли большинства населения к сохранению общего государства с сербами. Они говорили о провале сепаратистских планов черногорского руководства.

Европейские эксперты также вынуждены подчеркнуть временный, двойственный и ущербный характер соглашения. Оно не удовлетворило расчетов Европы, не обеспечило сохранения федерального государства, не покончило с дебатами о черногорской независимости. Тем не менее, вопрос об окончательном одобрении соглашения был активизирован.

9 апреля 2002 г. скупщины (парламенты) Сербии и Черногории после острых споров и дебатов практически синхронно

одобрили соглашение о новых отношениях между республиками. Голосование не принесло неожиданностей. В Сербии за соглашение высказались 146 депутатов, представлявших фракции, входящие в состав правящей коалиции, против – 79 депутатов от оппозиционных партий. В Черногории соглашение одобрено 58 депутатами от правящей Демократической партии социалистов Черногории и ее главного политического оппонента – коалиции «Вместе за Югославию».

После одобрения соглашения республиканскими скупщинами в начале июня того же года оно, как и предусматривалось, было ратифицировано скупщиной СРЮ. И в данном случае не обошлось без осложнений. Накануне открытия сессии (в апреле 2002 г.) Демокристиянская партия Сербии, один из членов правящей коалиции, заявила, что ее депутаты не будут голосовать за ратификацию. А без их голосов не могло быть набрано двух третей голосов, необходимых для изменения конституции. Они требовали проведения в Сербии референдума по этому вопросу. С другой стороны, президиум Демократической оппозиции Сербии, правящей тогда в республике коалиции, постановил, что республиканские, краевые и местные выборы в Сербии будут проводиться в регулярные сроки в 2004 г. На заседании союзного парламента президент СРЮ Воислав Коштуница заявил, что соглашение свидетельствует о поражении идеи распада совместного государства.

Заседание, длившееся лишь полчаса, было прервано по предложению представителей Социалистической народной партии Черногории. Они внесли ряд рекомендаций, суть которых сводилась к тому, что предлагалось Конституционную хартию не просто подтвердить в Союзной скупщине, а принять и провозгласить ее там. Предлагалось также, чтобы старые союзные органы продолжили свою работу до назначения новых. А депутатов Союзной скупщины требовали избирать всенародным голосованием, а не путем делегирования от республиканских парламентав. Эти предложения, как можно понять, были вызваны опа-

сениями, что сепаратистские силы используют недоработки соглашения в целях продвижения Черногории к независимости. Ведь ситуация в Черногории была далека от стабильности.

Но, как и ожидалось, голосов депутатов от двух главных участников парламентской коалиции на президентском уровне – Демократической оппозиции Сербии и черногорского блока «Вместе за Югославию» – хватило для принятия решения.

Белградское соглашение заложило основу создания двухсубъектного государства с единым международным представительством, однопалатным парламентом, президентом, советом министров и судом. Центральное правительство отвечает за оборону, внешние связи, защиту прав человека и меньшинств. Безопасность территории охраняет единая армия, управляемая Высшим советом обороны под руководством трех президентов – союзного и двух республиканских. В течение 2002 г. было намечено разработать Конституционную хартию и План действий по экономической гармонизации. В соглашение была включена статья о возможности выхода из Содружества, но она могла быть задействована не ранее, чем через три года после его создания.

Следующим этапом стало создание специальной комиссии по разработке Конституционной хартии Сербии и Черногории, которая конкретно определяет механизм жизнедеятельности единого государства, структуру и функции его руководящих органов²³.

И в этом случае не обошлось без нажима Запада. Причина осложнений – расхождение во взглядах на будущее образование. Руководство СРЮ и Сербии видело его как союзное государство с целым рядом совместных функций, являющееся единым субъектом международных отношений («одно место в ООН»). Черногорские власти, напротив, считали, что это должен быть некий союз двух независимых, международно признанных государств, а его органам следует выполнять роль своего рода бюро по обслуживанию общих интересов этих

государств в течение трех лет, после которых черногорцы все-таки рассчитывали провести референдум о независимости.

Поэтому не поддавались согласованию такие важнейшие разделы хартии, как обеспечение единого экономического пространства, вопросы валюты и таможи, создание органов совместного государства и их финансирование, управление армией и гражданский контроль над ней, а также многое другое.

К разногласиям в обществе привело, например, записанное в тексте преамбулы хартии уточнение к положению о новом названии содружества. Формулировка «Сербия с автономными краями Воеводиной и Косово» вызвала недовольство, заседание конституционной комиссии покинули представитель албанцев из черногорского парламента и депутат из региона Санджак (где живут мусульмане-босняки) в союзном парламенте. Первый счел это положение противоречащим резолюции СБ ООН по Косово. А второй был убежден, что в нем игнорируются интересы босняков, требующих признания особого статуса Санджака.

При голосовании в парламенте Сербии возникли парадоксальные ситуации, когда депутаты от Демократической партии Сербии голосовали за хартию, но против закона о ее реализации. А вот представитель Демокристанской партии Сербии, выступающие за самостоятельность Сербии, были против хартии, но поддерживали закон о ее реализации.

Жаркие дискуссии велись по вопросу о порядке избрания депутатов нового союзного парламента. Сербия и Социалистическая народная партия Черногории выступали за прямые выборы. Мило Джуканович – за принцип делегирования от республиканского парламента. В результате этот вопрос остался в компетенции каждой из республик.

Не просто складывалось и само формирование нового союзного парламента. Как известно, Сербии отводится в нем 91 место из 126. Президиум Демократической оппозиции Сербии (правящая партия) решил, что ДОС должна получить из них 47 мандатов, Демократическая партия Сербии

(возглавляемая экс-президентом СРЮ Коштуницей) – 16, Социалистическая партия Сербии – 12, Сербская радикальная партия – 8, Партия сербского единства – 4, а Новая Сербия и Народная социалистическая партия – по 2 мандата. Однако оппоненты считали, во-первых, что за основу надо брать не нынешний расклад сил в парламенте Сербии, а его состав сразу после избрания в 2000 г. А во-вторых, они полагали, что этот вопрос должна решать сама скупщина Сербии, а не ДОС.

После очередного визита Хавьера Соланы в Белград и переговоров с тогдашними президентом СРЮ Воиславом Коштуницей, премьер-министром Зораном Джинджичем и президентом Черногории Мило Джукановичем, было получено заверение в готовности ускорить работу над Конституционной хартией. Главное же – Мило Джуканович заявил о своем согласии с тем, чтобы новое государственное образование было единым субъектом международного права.

Хартия и закон о ее реализации также утверждались тремя парламентами. В январе 2003 г. – парламентом Сербии, вскоре – Черногории, 4 февраля – парламентом СРЮ. С этого дня исчезла с политической карты Европы Союзная Республика Югославия и появилось новое государственное образование – Сербия и Черногория. Президент СРЮ Воислав Коштуница передал свои полномочия президенту нового государственной структуры Светозару Маровичу. Был образован переходный общий парламент Сербии и Черногории.

3 апреля 2003 г. государственное содружество Сербия и Черногория стало 45-м членом Совета Европы. Был поднят флаг новобранца СЕ и исполнен гимн. Правда, за неизменения пока этих атрибутов нового государства пришлось использовать флаг СРЮ и гимн «Гей, славяне». Напомним, что вопрос о приеме СРЮ в Совет Европы был поставлен еще в ноябре 2000 г., т. е. сразу после прихода к власти Демократической оппозиции Сербии. Главное условие – «полное сотрудничество» с Гаагским трибуналом. Что касается вступления в Европей-

ский Союз, ожидаемого и в Белграде, и в Подгорице с нетерпением, то, по словам Хавьера Соланы, путь туда не близок и не прост.

На отработку текстов хартии и закона потребовалось десять с половиной месяцев бесконечных споров, обсуждения всевозможных вариантов. Однако осталась масса неясных вопросов и подводных камней, с которыми столкнулось новое государственное образование.

Прежде всего, как представляется, инициативу перехватили те политические силы Сербии и Черногории, которые с трудом могли быть охарактеризованы как поборники сохранения единого югославского государства. Отставившие эту идею партии, в частности, Демократическая партия Сербии, Социалистическая народная партия Черногории, оказались оттесненными на второй план при решении этого вопроса, решающее влияние на которое оказали не конституционная комиссия, а договоренности правительств двух республик. Не зря политические наблюдатели говорили о складывании некоего союза Джинджич-Дjukanović.

Рыл и характер нового образования: то ли это единое государство, то ли федерация, то ли конфедерация. Многие аналитики считают СпЧ своеобразным гибридом, который во внешнем плане выступает как единое государство, а во внутреннем – сохраняет союз двух самостоятельных государств. Постепенно отрабатывались существенные вопросы статуса входящих в сообщество республик, медленно формировались предусмотренные республиканским уровнем органы власти.

Сохранял актуальность вопрос о приведении республиканских конституций в соответствие с Конституционной хартией Сербии и Черногории, тем более, что на это были отведены жесткие сроки. Проблема была особенно значима для Сербии, власти которой стремились оттянуть проведение выборов до конца полномочий депутатов в 2004 г., опасаясь потерять свое нынешнее большинство. А с другой стороны, шла речь шла об укреплении парламентской системы и, в частности, об из-

брании президента парламентом. Другая точка зрения, которую разделял и экс-президент СРЮ Воислав Коштуница, состояла в том, что всенародно избранный президент был бы своего рода балансом в деятельности парламента и органов управления.

ДАЛЬНЕЙШИЕ УСИЛИЯ ПО ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СЕРБИЕЙ И ЧЕРНОГОРИЕЙ

Одной из главных задач наполнения Конституционной Хартии конкретным содержанием являлось достижение гармонизации рынка и деятельности таможенных служб Сербии и Черногории. В Белграде отмечалось, что хотя две республики состоят в одном сообществе, граница между ними не отличается от границ с другими государствами, а в некоторых вопросах порядки на ней являются даже более жесткими.

Конституционная хартия (ст. 12) предусматривает, что «Сербия и Черногория имеют общий рынок». Но, хотя с этим были согласны обе стороны, проработать детали экономических отношений оказалось непросто. Серьезное столкновение интересов вызвал вопрос о едином внешнем тарифе. Сербия, имеющая развитую индустрию и сельское хозяйство, была заинтересована в защите их путем высоких таможенных тарифов. Черногория, зависящая от туризма при полном отсутствии производства, настаивала на низких тарифах. Она и ранее стремилась к экономической интеграции в Европу, введя вместо динара немецкую марку, а затем евро. Переговоры длились почти год и, в конце концов, вынудили обе стороны пойти на уступки. Черногории удалось сохранить низкие тарифы на ряд импортных товаров – 56 сельскохозяйственных продуктов, единый тариф было решено ввести спустя 1,5–2 года.

С большими трудностями столкнулось согласование размеров и порядка отчисления республиками средств на содержание совместных органов управления. Весьма непросто обстояло дело и с решением вопросов обороны, состава и подчиненности вооруженных сил. На это, как известно,

накладывалась и перспектива возможного присоединения страны к натовской программе «Партнерство во имя мира» и дальнейшего сотрудничества с альянсом.

В Сербии и Черногории принимались меры по реализации тех условий, которые выдвигались ЕС для ускорения процесса приближения страны к интеграционным структурам. К их числу относятся переговоры между властями Белграда и Приштины по вопросам нормализации обстановки в Косово, традиционное требование к Белграду о «полном сотрудничестве» с Гаагским трибуналом. Сюда входит и пожелание о достижении гармонизации экономических отношений между Сербией и Черногорией, ибо, как подчеркивают участники Евросоюза, эта организация намерена иметь дело с Сербией и Черногорией как одним государством. Но согласование интересов в новом содружестве приняло затяжной характер, выявило различия в подходах к ним руководства республик-членов. В результате, увы, возникла привычная ситуация, когда налаживание сотрудничества СиЧ с ЕС задерживалось.

Накануне встречи в Салониках глав стран Евросоюза с руководителями ряда балканских государств, 9 июля 2003 г. парламент сообщества СиЧ принял закон о Суде Сербии и Черногории. Этим, наконец, завершился процесс создания государственных институтов СиЧ.

Так называемый «*Внутренний план рыночных и торговых действий*» («Акциони план»), т. е. план практических мероприятий по достижению гармонизации отношений между двумя республиками, был одобрен обоими правительствами в июле 2003 г. и принят союзной скупщиной – парламентом 29 августа того же года. Документ имеет 20 приложений, содержащих соглашения по межбанковскому сотрудничеству, стандартизации изделий, таможенной службе, налогообложению др. Этот план призван устранить препятствия для свободного передвижения людей, товаров, услуг и капиталов между Сербией и Черногорией, а также согласовать размеры таможенных сборов на товары, произведенные в той или иной республике.

Конституционная хартия, Закон о ее реализации и План действий являются базовыми документами, на которых основывается конституционное и экономическое устройство Государственного содружества.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ЧЕРНОГОРИИ

Сам вопрос о реализации Белградского соглашения оказался в Черногории отодвинутым на второй план правительственным кризисом. Положение обострилось из-за разногласий между сторонниками сохранения совместного государства сербов и черногорцев и поборниками самостоятельности Черногории. Это привело к усилению противостояния не только между двумя главными коалициями, но и внутри них. С резкой критикой соглашения, обвинив президента и премьера в предательстве и пренебрежении согласованными предвыборными обещаниями, выступили партии, придерживавшиеся курса на независимость – Демократическая партия социалистов Черногории (ДПСЧ), Либеральный альянс (ЛИАЧ) и Социал-демократическая партия Черногории (СДПЧ). Торжествовали силы, выступающие за союз с Сербией – Социалистическая народная партия (СНП), Сербская народная партия (СНП) и Народная партия (НП). Такое развитие событий, казалось, неминуемо вело к падению правительства, к досрочным парламентским и президентским выборам в Черногории, что было чревато для ДПСЧ потерей своего руководящего положения в стране.

Власти Черногории решили использовать назначенные на 15 мая 2002 г. выборы в местные органы власти для того, чтобы отложить вопрос о реализации соглашения по переустройству отношений между Сербией и Черногорией, а также о реорганизации правительства и других органов управления. Выборы сопровождались взаимными обвинениями в давлении на избирателей. Их итоги примерно соответствовали прогнозам. Около 40 % получили сторонники сохранения общего государства, а на «суверенизаторский» блок пришлось около

30 %. Сторонники Мило Джукановича получили перевес в 10 общинах, блок во главе с Социалистической народной партией (выступает за союз с Сербией) получил контроль над 8 общинами. В одной общине – Улцине победили албанские партии.

Однако ситуацию не удалось стабилизировать, что привело к досрочным парламентским выборам 20 октября 2002 г. На 75 депутатских мандатов претендовали 7 коалиций и три партии, выступавшие самостоятельно. При этом четыре места гарантировались кандидатам от партий албанского населения республики. Главную борьбу за власть вели, однако, две главные политические силы. Одна – это коалиция «За европейскую Черногорию», в которую входили Демократическая партия социалистов Черногории (ДПСЧ) во главе с тогдашним президентом Мило Джукановичем и ее союзник – Социал-демократическая партия. Другая – оппозиционная коалиция «Вместе за перемены», созданная Социалистической партией Черногории, Народной партией и Сербской народной партией.

Первая коалиция не скрывала своей нацеленности на достижение полной самостоятельности Черногории. Хотя ее лидер Мило Джуканович стал избегать резких выражений и высказывался за реализацию Белградского соглашения о сохранении общего государства. Вторая коалиция является сторонницей совместного государства сербов и черногорцев. Председатель Социалистической народной партии (СНПЧ) Предраг Булатович выступал даже за сохранение традиционного названия этого государства – «Югославия», что вызывало крайнее неудовольствие у оппонентов.

В результате выборов правящей коалиции «За европейскую Черногорию» все же удалось обеспечить себе большинство в парламенте (38 мандатов из 75). Председателем парламента (республиканской скупщины) стал бывший премьер-министр, заместитель председателя правящей ДПСЧ Филип Вуянович. Главный оппонент – коалиция «Вместе за перемены» – получил 30 мест, Либеральный союз – 4 места.

Спустя примерно два с половиной месяца было образовано новое правительство Черногории. (Главные оппозиционные силы в парламенте – Социалистическая народная партия и Сербская партия – использовали обсуждение вопроса о правительстве для фронтальной критики политики властей, в самом голосовании участие не принимали, а недавние партнеры партии Джукановича – Либеральный союз и Народная партия – вообще бойкотировали заседание парламента.) В новое правительство Черногории помимо премьера вошли 4 его заместителя и 16 министров. Напомню, что в рекомендациях СЕ для Черногории предусматривалось правительство в составе лишь 6–7 министров. Пост премьер-министра занял Мило Джуканович, дальновидно ушедший, чтобы получить эту возможность, с поста президента в ноябре (накануне парламентских выборов, поскольку согласно конституции полномочия Мило Джукановича истекали в январе 2003 г.).

Тем временем на черногорском горизонте обозначились еще одни выборы. В соответствии с конституцией на 22 декабря 2002 г. было назначено очередное избрание президента Черногории. С третьей попытки, лишь только после того, как был отменен 50 %-ный барьер явки избирателей, в мае 2003 г. бывший премьер-министр, в то время председатель скупщины Филип Вуянович стал президентом Черногории. Главная оппозиционная коалиция «Вместе за перемены» своего кандидата не выдвинула, поскольку не смогла договориться внутри себя. Сразу после выборов Филип Вуянович назвал своими основными целями вступление в натовскую программу «Партнерство во имя мира» и в Европейский Союз. Он также пообещал соблюдать Белградское соглашение и «дать шанс государственному объединению с Сербией». Вместе с тем он был намерен через три года назначить референдум о государственном будущем Черногории. Республика имеет все государственные институты, опередив в этом Серию. Председателем парламента на освободившееся место назначен лидер Социал-демократической партии

Ранко Кривокапич, ярый сторонник независимости Черногории.

Любопытно, что в настоящее время сторонники независимости Черногории не проявляют особой активности, хотя они и не отказались от идеи референдума по этому вопросу, возможность которого предусмотрена через три года после старта СиЧ. Население же Черногории, мнение которого не может игнорировать руководство республики, разделено почти на равные группы по вопросу о статусе их родины.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В СЕРБИИ

Вопрос о совместном государстве, в отличие от Черногории, не является главной политической темой в Сербии и решение в его пользу первоначально не вызывало много споров. Но с принятием Белградского соглашения началась публичная критика концепции документа, а также усилились настроения в пользу самостоятельности республики. Как полагают некоторые местные аналитики, объединение с Черногорией на нынешних условиях накладывает на Сербию неоправданную дополнительную нагрузку. Такую позицию заняли, например, ведущие экономисты Миролуб Лабус, недавний заместитель премьер-министра СРЮ и в предвыборный период претендент в президенты Сербии, и глава Центрального банка Динкич. Партия «Г-17 плюс» во главе с председателем М. Лабусом, выступая за суверенное государство Сербию в составе ЕС, разработала и в мае 2003 г. утвердила «Государственную программу европейской Сербии»²⁴. В программе изложены аргументы, главные из которых – экономические, показывающие невыгодность дальнейшего союза с Черногорией. По мнению авторов платформы, имеющая большие амбиции Черногория экономически слаба, в отличие от Сербии, производящей 95 % материального богатства общей страны. Статус, такого же логического ряда придерживаются сторонники «Г-17 плюс» и по вопросу Косово, считая, что нет потребности удерживать его

любой ценой. Лозунг «Сербия на первое место» стал главным для партии на выборах президента в декабре 2003 г.

За самостоятельность Сербии выступает и Демокристанская партия Сербии (рагующая за проведение референдума по этому поводу). При этом ее председатель, министр юстиции Сербии Владан Батич был председателем конституционной комиссии Сербии, разрабатывавшей новую конституцию республики. Формальным поводом для выдвижения на первый план вопроса о новой конституции Сербии служило предусмотренное Конституционной хартией СиЧ приведение в соответствие с этим документом республиканских конституций.

Функционирование общего государства критиковало и правительство Сербии во главе с Демокристанской партией (ДП). Оно было у власти с момента падения С. Милошевича в октябре 2000 г. и до внеочередных парламентских выборов в декабре 2003 г. Но все-таки официально на правительственном уровне Сербия всегда поддерживала идею существования полноценного общего государства Сербии и Черногории. Желая скорее попасть в Европу, она также важное значение придавала обоюдной самостоятельности принятия решений Сербией и Черногорией об устройстве их Содружества. Есть, разумеется, в Сербии и евроскептики. Например, писатель Добрица Чосич, в интервью газете «Политика» высказал мнение, что «нас брюссельские комиссары бомбили, а теперь посадили в государственный провизорий, в котором терзается и всхлипывает народ Сербии и Черногории»²⁵.

Весьма показательным оказался расклад политических сил во время парламентских выборов 28 декабря 2003 г., хотя основная предвыборная игра велась не по поводу союза с Черногорией, а по внутригосударственным вопросам. Больше всего голосов избирателей (27,6 %) получила партия, занимающая националистические позиции и проповедующая философию «Большой Сербии» – Сербская Радикальная партия (СРП) во главе с Воиславом Шешелем. Выступающие за реформы партии – ДПС, Г-17

плюс, ДП и СДО-НС – в общей сложности набрали около 60 % голосов. Вместе с тем, личные амбиции их лидеров и частные разногласия воспрепятствовали возможности объединения в правящую коалицию. Одно из разногласий – отличающиеся позиции по вопросу о Содружестве. Демократическая партия Сербии (ДПС) во главе с Воиславом Коштуницей – крупнейшая в демократическом блоке – за сохранение общего государства. Демократическая партия (ДП) под лидерством бывшего премьер-министра Зорана Живковича тоже «за», но болезненно воспринимает слабую дееспособность объединенных властных структур. Сербское движение обновления (СДО) с Вуком Драшковичем занимает монархическую платформу. Ну, а партия «Г-17 плюс» хочет самостоятельности Сербии. Что безразлично, на выборах ее поддержало 12 % избирателей.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ

Европеизация как путь к европейской модели жизни – ее высокому экономическому уровню, свободному рынку, гарантиям прав граждан – проникла в политический дискурс как Сербии, так и Черногории. Реальная перспектива присоединения к Европейскому союзу явилась сильным стимулом для радикальных реформ в балканском обществе. Вместе с тем, по мнению европейских аналитиков, в Черногории сторонники независимости не пришли к единому мнению, является ли вступление в ЕС лучшим вариантом ее экономического развития. Они амбициозно рассматривают для себя альтернативные модели, мечтая стать микространством в условиях либерального налогового режима вне европейской и сербской структур. В Сербии, напротив, даже группы, выступающие за независимость, связывают будущее республики с ЕС. Свой выбор в пользу самостоятельности они мотивируют стремлением ускорить принятие в единую Европу²⁶.

Сколь сложен выбор дальнейшей судьбы для балканских республик было показано в этом исследовании. Напомню, что

значительная часть сербского и черногорского общества видит свой завтрашний день в едином с Черногорией государстве. Как отметил один из крупнейших специалистов по международному праву в Белграде др. Милан Шахович, «маленькие государства представляют собой общества малой дальности полета, поле, на котором сражение за власть между узкогрудыми внутренними, практически локальными политическими актерами, только усиливает аппетиты больших игроков в их борьбе за влияние и превосходство в тех или иных регионах. Правда, сегодня это не должно бы случиться при тех усилиях, которые предпринимаются ради осуществления интеграции в рамках ЕС»²⁷.

Однако нужно сказать, что на данный момент Евросоюз отнюдь не является сторонником увеличения числа малых и очень малых государств в мире, а тем более их приема в качестве равноправных членов в состав своей организации²⁸. Все это касается и конкретно Черногории. Тем более, Евросоюз, используя предложение о перспективе приема СпЧ в ЕС в качестве инструмента давления на определенные круги, добился своей цели и в некоторой степени утратил интерес к присоединению этих балканских республик, обремененных множеством нерешенных проблем, к своей структуре. Но перспектива распада Государственного содружества Сербии и Черногории все-таки может реализоваться, если за это на референдуме в Черногории проголосует большинство граждан. Для Сербии это, наряду с форсированием решения о статусе Косово, будет играть против выбора в пользу Евросоюза, т. к. усилит критические настроения в социуме.

Как ни парадоксально, вопреки тому, что именно Евросоюз сделал выбор в пользу единого государственного содружества Сербии и Черногории, этот факт, изменив расстановку политических сил в обеих республиках, привел там к власти не сторонников объединенного государства, а его противников. Вместе с тем, ставший модным в риторике политических и интеллектуальных элит раздельный вариант страны,

гораздо слабее поддерживается на уровне общественного мнения. Это подтверждают, например, результаты переписи населения Черногории. Напомню, что в 2003 г. лишь 40,6 % жителей этой республики назвали себя черногорцами, тогда как в 1991 г. в СФРЮ таковых было на 21,3 % больше. Снизилась и абсолютная численность этой этнической группы с 380,5 тыс. до 273 тыс. чел. Кстати сказать, если в процентном отношении доля сокращения количества черногорцев в Сербии менее заметна – 0,92 % в 2002 г. вместо 1,55 % в 1991 г., то в численном измерении весьма ощутимо, что представителей этой этнической группы стало почти в два раза меньше: 69 тыс. вместо 117,5 тыс. чел.

Так политические игры влияют на менталитет населения. Государственные границы тоже, как уже не раз отмечали исследователи, являются важным фактором кон-

струирования идентичности²⁹. Они неизбежно становятся для расчлененных территорий по многим параметрам дистанцирующим началом, даже, если те населены этнически однородным населением. Внутри же одной страны, как и внутри любого другого сообщества, вырабатываются общие интересы, сходные черты культуры, языка и др.³⁰ Сербия и Черногория не являются исключением из этого правила, что подтверждает их бурная многовековая история. Дальнейшая судьба населения этих балканских земель, в том числе и их идентичности, решится в самое ближайшее время. Для России же опыт Балкан полезен тем, что позволяет провести параллели с событиями на пространстве бывшего СССР, выявляя определенные закономерности и нюансы трансформационных процессов.

Раздел I

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КОСОВО

В последнее десятилетие эпицентром пожара борьбы, разразившегося на Балканах, стал автономный край Косово, входящий формально в Государственное сообщество Сербии и Черногорию, но последовательно отстаивающий свою независимость. Разрешение ситуации сейчас уже практически не зависит от основных участников конфликта – сербов и албанцев. Эту миссию взяли на себя международные посредники.

Во время бурных событий в других частях Балкан – Хорватии, Боснии и Герцеговине, политических катаклизмов в Сербии, Косово оказалось как бы в тени. Между тем, этот регион уже давно представляет собой общество, растерзанное межэтническими столкновениями, это край, где сербы и албанцы живут в двух параллельных мирах.

Именно выступления албанцев, живущих в автономном крае Косово, стали начальным кризисным звеном в цепи распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. Политические неурядицы в югославской федерации начались с появления критических настроений в умах косовских интеллектуалов. Уже в пятидесятые годы XX в. под влиянием их требований возникла необходимость урегулирования статуса этнических групп. Именно на этот период приходится первые массовые, хотя и мирные, выступления в стране, объединившие их участников по этническому принципу. В 1968 г. вновь произошли волнения албанцев в Косово. Правда, тогда они рассматривались не как националистические, а как контрреволюционные. Политическая борьба в Югославии с новой силой вспыхнула после смерти Иосипа Броз Тито. Одним из показателей сбоев в системе федеральной организации государства стала демонстрация в 1981 г. в столице автономии – городе Приштина. Основным ее мотивом было требование предоставить Косово статус республики в составе Югославии. В тот период автономный край

имел свое правительство, властные структуры, университет, у которых было больше прав и полномочий, чем в конце XX в. Направленные против федеральных властей, локальные выступления вели к обострению отношений с сербским населением, ассоциировавшимся с политикой центра.

Ситуация в Косово – яркий пример взаимосвязи в политической борьбе идей национализма и мобилизационного потенциала сторон на этнической почве вплоть до порождаемых этим насильственных действий. Градус накала противостояния сил в регионе сегодня уже практически привел к нарушению территориальной целостности Сербии. Он стал показателем того, как конфронтация между центральной властью и местной элитой, между олицетворяющими их этническими группами способствует росту националистических настроений, обостряет их проявление. А с другой стороны – национализм оказался одним из тех факторов, который новысни остроту кризиса, повлияв на его характер, усилил как противостояние, так и политическое единство на этнической основе.

По меткому определению английского исследователя Джона Бэртона, «этнические и религиозные конфликты, в которых центральные власти не в состоянии контролировать события, всегда затрагивают проблемы безопасности группы, ее идентификации и признания, а также контроля над влияющими на это политическими процессами»³¹. Именно так и произошло в Косово. Межэтнические отношения за годы развития конфликта стали настолько напряженными, что их можно классифицировать как открыто враждебные. В проигрыше оказались обе стороны. Противостояние, развивавшееся несколько десятилетий, перерастало со временем в вооруженную борьбу, приводя к огромным людским потерям. Многие жители региона, как сербы, так и албанцы, и представители других населяющих Косово народов, опасаясь за

жизнь, оказывались вынужденными покинуть свои дома и искать прибежище за рубежами малой родины. Практически полностью разрушена инфраструктура Косово. Промышленность не работает, нищета и беззаконие царят везде. Безработица невероятна, а 98 % всего, что продается в Косово, ввезено, причем чаще всего из Сербии, контрабандой по мосту через реку Ибар³². Колоссальный ущерб нанесен историческим памятникам края, многие из которых были причислены ЮНЕСКО к шедеврам мирового значения, а теперь навсегда утрачены для человечества.

В настоящее время в Косово непрочный мир поддерживается миротворческим контингентом из разных стран. Судьба края будет решаться в ближайшее время на международном уровне. Но уже совершенно очевидно, что подавляющее большинство неалбанских жителей края, прежде всего сербов, уехало отсюда. Их небольшие группы сохранились лишь в северных районах. Но и это, скорее всего, не надолго.

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Последние достоверные сведения о количестве жителей в Косово относятся к 1981 г. Исходя из данных прошедшей тогда переписи населения страны, в крае в тот период проживал 1 млн. 584 тыс. 441 чел. Из них 1 млн. 226 тыс. 736 чел. записались в переписных листах албанцами и 209 тыс. 498 – сербами³³. В Косово жили представители и других этнических групп, но они, будучи малочисленными, составляли в общей сложности менее десятой доли в структуре населения края: это боснийские мусульмане – 66 189 чел., 3,3 %; цыгане – 45 745 чел., 2,34 %; черногорцы – 20 365 чел., 1,04 %; турки – 10 445 чел., 0,53 %; хорваты – 8062 чел., – 0,41 %; менее 0,46% по отдельности приходилось на македонцев, словенцев, чехов, немцев.

Переписи населения всегда имеют под собой важную политическую импликацию и подоплеку. Результаты статистического учета приобретают идеологическое звуча-

ние и используются в борьбе за власть. Осознавая это, перепись СФРЮ 1991 г., а тем более перепись Сербии 2002 г. албанцы бойкотировали. Поэтому в последние 25 лет о размерах этой этнической группы можно судить лишь на основании экспертных оценок. По расчетам Союзного управления по статистике, численность населения Косово к 1991 г., т. е. за десятилетие, возросла приблизительно на 400 тыс. чел. и почти достигла 2 млн. – 1 млн. 956 тыс. 196 чел. Она превысила численность таких этнических групп СФРЮ, как македонцы, черногорцы, и догоняла количество словенцев и боснийских мусульман.

Если сопоставить эти данные с показателями середины XX в., становится еще более очевидным, сколь быстро растет численность албанцев. В Сербии и Черногории по сведениям 1948 г. количество представителей двух крупнейших групп меньшинств страны – албанцев и венгров – была практически почти одинакова (албанцев 551 436, венгров 433 763 чел.). Однако к 1991 г. албанское население СРЮ уже в пять раз превысило венгерское, насчитывавшее 344 147 чел. Численность албанцев в двух республиках Сербии и Черногории, где их проживало в 1961 г. 551 436 чел., за 30 лет возросла в три раза. Тогда как доля албанцев в общей численности населения СФРЮ к 1991 г. увеличилась с 7,7 % до 16,5 %. В Косово албанская популяция увеличилась с 498 242 до 1 596 072 чел., т. е. в 3,2 раза.

С 1948 по 1991 гг. доля албанцев в общей численности населения Косово возросла с 68,5 % до 82,6 %. В то же время процент сербов в структуре населения края упал с 23,6 % в 1948 г. до 9,9 % в 1991 г. Усиление этнической гомогенности Косово в пользу албанцев является следствием как демографических, так и политических факторов: высокого уровня рождаемости у албанцев, снижения смертности, низкой естественной репродукции сербов, а наряду с этим постепенного вытеснения неалбанского населения, приводящего к его эмиграции из края, и других обстоятельств, суть которых будет раскрыта ниже.

Процесс возрастания этнической однородности населения Косово продолжается и в настоящее время. В результате к началу XXI в. албанцы здесь составляли уже более 90 % жителей. Они расселены также в южных областях Сербии за пределами Косово (общины Прешево и Буяновац) и в ряде юго-восточных областей Черногории (общины Ульинь, Подгорица, Плав и др.). В центральной Сербии и Воеводине албанцы живут дисперсно и главным образом в городах.

По сведениям, которые, в частности, приводят российские СМИ, в крае Косово сейчас осталось примерно 5 тыс. сербов. Особенно массовым был отток славян в конце 90-х гг. (в связи с действиями НАТО). Тогда Косово покинуло около 300 тыс. жителей), из которых около 200 тыс. – сербы³⁴

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Ситуация осложняется тем, что как сербы, так и албанцы считают эти земли исконно своими, колыбелью своих народов. Вместе с тем, судьбы разных пластов балканского населения постоянно переплетались, нельзя рассматривать их историю и культуру в изоляции друг от друга. Правы ученые, по мнению которых, неверно с позиций исторической этнологии утверждать, что албанцы жили в сербском государстве или сербы находились в албанских феодальных принципатах. В эпоху средневековья не было столь четкого осознания этнической принадлежности, к какой привыкли мы, при смешанном расселении не могло сформироваться понятие об этнографической границе. Областническое, земское самоопределение превалировало над общезтническим. Все политические образования государственного или полугосударственного типа, границы которых неоднократно менялись, охватывали области расселения разных этнических общностей³⁵.

Контакты предков современных албанцев – иллирийцев и предков южных славян начались с первых веков н.э. – со времени проникновения славян на Балканы из-за Дуная. В VI–VII вв. славяне широко рассе-

лились по всему Балканскому полуострову. С ними слилась значительная часть иллирийского и фракийского населения.

Сербы считают Косово своим, т. к. с VIII в. территория Косово составляла центральную часть государства Рашка, затем Сербского государства. Город Печ с 1219 г., когда Сербская церковь стала автокефальной, был центром Сербской архиепископии, а с 1346 г., после того как глава Сербской церкви провозглашен патриархом, – патриархии. В Косово произошло еще одно важное событие сербской истории: на Косовом поле близ г. Приштина в 1389 г. состоялось решающее сражение между войсками сербов и Османской империи. Оно окончилось победой османов, но ознаменовалось доблестными сражениями сербских воинов, о чем с гордостью повествует сербский героический эпос. В минуты кризисов югославского государства миф о Косово постоянно всплывал, играя сильную мобилизующую роль. Таким образом в сербском национальном проекте Косово стало не столько целью, сколько средством борьбы за его реализацию.

На Косовом поле сербские и другие югославянские земли на долгие пять веков потеряли независимость, попав под османское господство. Эти столетия, разумеется, не прошли бесследно для этнической истории Балкан. Они сказываются по сегодняшний день не только сильными ориентальными напластованиями в культуре, но и последствиями значительного перемешивания населения, уходящего тогда под натиском завоевателей в более безопасные горные районы, а также в северном направлении. Им на смену постепенно приходили другие жители. Перемещались и албанцы, которые, занимаясь скотоводством и в более ранний период, кочевали с гор в долины, попадая на земли современной Югославии, в том числе в Косово, но широко расселились здесь лишь с конца XVII в. После освобождения этого региона от османов и включения его в состав образовавшегося в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, в 1929 г. переименованного в Югославию, сюда вновь активизи-

зировался приток южных славян – сербов и черногорцев.

Что касается албанцев, то происхождение этого народа ученые возводят к древнейшему населению Балкан. Некоторые исследователи считают основным элементом их формирования фракийцев, другие – иллирийцев. Этноним «албанцы» впервые упоминается уже во II в. как племенное название. С XI в. он стал распространяться на всех обитателей современной Албании. Албанский язык относится к индоевропейской языковой семье. С XIV в. территория не только Косово, но и современной Албании входила в состав Сербского королевства. Затем здесь установилась власть Османской империи. В период ее господства большинство местного населения перешло в ислам. Лишь в горных районах сохранились жители, исповедовавшие православие (на юге) и католицизм (на севере). В 1912 г. было создано албанское государство. Оно претендовало на включение в свой состав и территории Косово, но международное сообщество не удовлетворило этих претензий, присоединив данную территорию к Сербии. Вероятно, уже с этого времени наметилось соперничество Сербии (позднее – Югославии) и Албании за косовские земли. Идея объединения всех областей, населенных албанцами, в одно государство, призыв к созданию «Великой Албании» широко использовались националистически настроенными кругами как в Албании, так и в Югославии, дестабилизируя положение в автономном крае.

ЖИЗНЬ В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Во время Второй мировой войны, когда фашистская Германия и Италия проводили политику раздела территории Югославии, значительная часть Косово и Метохии вошла в состав так называемой «Великой Албании». После подписания мирного договора Югославия была воссоздана как федерация шести республик – Боснии-Герцеговины, Македонии, Сербии, Словении, Хорватии и Черногории, что было закреп-

лено Конституцией 1946 г. Тогда же в Республике Сербии были выделены автономный край Воеводина, где население отличалось пестротой этнического состава при значительной доле венгров, и автономная область Косово с многочисленным албанским населением. Автономии по законодательству обладали меньшими правами, чем республики. Эти отличия отражали как этническое многообразие населения, так и особенности его исторического развития. По Конституции 1946 г. нациями были провозглашены сербы, хорваты, словенцы, македонцы и черногорцы. Боснийские мусульмане получили статус нации позднее, в 1963 г.

Главным критерием при ранжировании стало отсутствие государственности вне Югославии. На этом основании все прочие этнические группы независимо от их численности получали статус национальностей, таковыми были названы, в частности, многочисленные венгры и албанцы – третья по величине этническая группа в стране. Важнейшим преимуществом наций в Югославии оказалось наделение каждой из них республикой, в которой они как бы становились доминирующей этнической группой. Это формальное ранжирование, при равных гражданских и культурных правах населения и вопреки курсу на политику строительства мультикультурного общества, стало уязвимым и впоследствии взрывоопасным идеологическим моментом.

Ретроспектива политического и экономического развития Югославии свидетельствует о том, что ее внутренней политике были присущи колебания между централизмом и автономизмом. В послевоенные годы межреспубликанские противоречия еще не были заметны. В этот период Югославия представляла собой сильно централизованное государство, а «национальный» вопрос казался ее руководителям навсегда решенным. Но уже в 50-е гг. под влиянием требования албанского населения возникла необходимость урегулирования статуса этнических меньшинств. Начались и споры между республиками по некоторым экономическим и политическим вопросам. Наметилась тенденция к пересмотру принципов югославского союза.

Конституция 1953 г. укрепила роль республик, а Конституция 1963 г. и особенно поправки к ней 1967–1971 гг. пошли по пути еще большего поощрения регионализма в югославской политической жизни. По Конституции 1963 г. произошло и повышение статуса Косово из области в край, что уравнивало ее положение в составе Сербии с Воеводиной. Теперь это был Социалистический автономный край Косово и Метохия, который с 1969 г. стал называться Косово, по Конституции 1990 г. за ним вновь закрепилось название Косово и Метохия.

Радикальная реформа федерации была проведена в результате принятия в 1974 г. новой Конституции СФРЮ. Главным ее последствием стало предоставление еще большей самостоятельности всем субъектам федерации. Вся полнота решений по важнейшим вопросам экономического, политического и социального характера была перенесена на республиканские и краевые органы власти при сохранении за федерацией лишь ограниченных компетенций. Свидетельством большой самостоятельности республик и автономных краев в общегосударственных масштабах стал принцип их паритетного представительства в высших органах власти федерации, парламенте (Скупшине) и Президиуме СФРЮ. Так, в состав одной из палат Скупщины СФРЮ – Союзное Вече входило по 30 делегатов от каждой республики и по 20 делегатов от каждого края. В состав другой палаты – Веча республик и краев входило по 12 делегатов от Скупщины каждой республики и по 8 делегатов от краев (ст. 291–292). Конституцию 1974 г. сербская элита на протяжении 20 лет рассматривала как жертву Сербии в пользу других республик. Что также важно, в преамбуле Конституции отмечалось, что право на самоопределение имеют нации Югославии. Этим правом не наделялись национальности, а также республики и тем более – автономные края.

Автономные края Косово и Воеводина были практически уравнены в правах с остальными республиками, хотя и сохраняли

прежний статус. Это решение, как показала жизнь, не оказалось безобидным и однозначно положительным. Оно вызвало непонимание и несогласие с разных сторон. В частности, сохранение статуса автономного края давало повод для развития местного сепаратизма. С 1974 г. лозунг «*Косово – республика!*» стал лаконичным требованием албанцев изменить их юридическое положение в стране.

Накануне распада СФРЮ сложное положение возникло не только на уровне республик, но и во взаимоотношениях Сербии и входивших в ее состав автономных краев. Особенно острый, а нередко даже драматичный характер, эти противоречия приобрели между Сербией и автономным краем Косово. В последнее десятилетие существования СФРЮ конфликты носили открытый характер и являлись одним из факторов резкого обострения межэтнической обстановки в стране в целом.

В соответствии с Конституциями СФРЮ и Сербии 1974 г., автономные края получили права, во многом равные тем, которыми обладала республика Сербия. Очевидно, этот факт также сыграл определенную роль в самой возможности такого развития событий, которое поощряло сепаратистские устремления. Сложившаяся на основе нечетких положений Конституции трактовка автономных краев как конституционных элементов федерации и в то же время составных частей республики Сербии объективно вызвала усиление стремления руководства этих краев к полной независимости от республики, фактическому приобретению краями равного статуса с республиками. Возникла парадоксальная ситуация, когда края могли наложить вето на принятие республиканских решений, но за республикой не признавалось аналогичного права в отношении краев. Именно это обстоятельство, неравноправное положение Сербии по сравнению с другими республиками в том смысле, что она фактически не была властна над всей своей территорией, привело к внесению поправок в Конституцию 1974 г., устанавливавших, вернее воссоздававших, определенную иерархич-

ности в отношениях республика—автономный край. Это касалось полномочий власти в автономных краях, законодательства, судопроизводства, армии, милиции и т. д.

Много нареканий со стороны международного сообщества вызвало принятие в сентябре 1990 г. Конституции Сербии в связи с тем, что она ограничила автономию своих краев. В специальной статье документа подчеркивалось положение автономных краев лишь как формы территориальной автономии. Ст. 6 этой Конституции гласила: «В республике существуют Автономный край Воеводина и Автономный край Косово и Метохия как формы территориальной автономии». В ст. 4-й этого же документа было провозглашено, что «территория Республики – единая, неделимая и неотчуждаемая».³⁶

Постепенно республики все больше сосредоточивались на собственных интересах, отодвигая на задний план федеральные приоритеты. Националистический дискурс подпитывался этнической платформой югославского федерализма. Объективно раздроблению страны способствовала и существовавшая тогда система самоуправления в ее югославском варианте. Центробежные тенденции усилил вспыхнувший в начале 80-х гг. экономический кризис. Экономика страны перестала функционировать как единый хозяйственный комплекс. Националистические настроения, распространявшиеся все шире, сказались и на экономических отношениях, в частности бойкот товаров из конфликтующего региона был одним из аргументов в политической борьбе. Последней попыткой спасти федеративную Югославию была экономическая реформа 1990 г., направленная на расширение рыночных отношений при повышении эффективности регулирующей роли государства.

В 1991 г. СФРЮ распалась. Сербия и Черногория в феврале 1992 г. провозгласили создание Союзной Республики Югославии. Новое государство приняло новую Конституцию, которая как минимум номинально характеризовала СРЮ в соответствии с критериями либеральной демократии, включая гарантии защиты меньшинств. С

февраля 2003 г., отказавшись от названия Югославия, две республики реорганизовали страну в Государственное содружество Сербия и Черногория.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ – НЕ ТОЛЬКО КОШМАРЫ

Важно подчеркнуть, что все югославские конституции (1946, 1963, 1974 гг.) гарантировали равноправие народов и народностей, населявших Югославию, равноправие их языков и письменности (ст. 245, 246). В ст. 247 Конституции 1974 г., в частности, подчеркивалось право народностей свободно пользоваться своим языком и письменностью, развивать свою культуру и самобытность, учреждать организации. Ст. 154 Конституции, как бы суммируя по разным параметрам равенство граждан СФРЮ, гласила: «Граждане равны в правах и обязанностях, независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, образования или общественного положения. Все равны перед законом». В Конституциях, различных государственных документах, выступлениях руководящих югославских деятелей неоднократно подчеркивались основополагающие принципы в области национальной политики – равенство всех народов и народностей страны.

Право на развитие этнических культур предусматривало создание культурно-просветительных и художественных обществ и объединений или национальных секций при организованных на территориальной основе обществах для развития культурной самостоятельности на родном языке, работу профессиональных и народных театров, народных университетов, образовательных центров, издательскую деятельность, радио- и телевизионные передачи и т. д. Так, например, в 1988 г. на албанском языке была издана 351 книга, на венгерском – 116 книг, на чешском и словацком – 74, на итальянском – 59, на румынском – 53, на турецком – 25, на русинском – 12, на болгарском – 7. Кроме того, на этих языках печатались газеты и журналы – в 1987 г., в частности, 94 газеты и 65 журналов, из них

больше всего изданий было опубликовано на албанском (35 и 14 названий) и венгерском языках (32 и 18 названий) соответственно³⁷.

Например, в 1986/87 учебном году в СФРЮ работало 1570 основных школ и 272 средних школы с преподаванием на языках народностей. Больше всего таких школ составляли школы с албанским (1221 – основных и 165 – средних), а также с венгерским (152 основных и 66 средних), турецким (соответственно – 62 и 13), румынским (31 и 7), болгарским (31 основная школа), итальянским (27 и 11), словацким языками (26 и 7). Кроме того, в ряде школ велось преподавание на чешском, русинском и украинском языках³⁸. В университетах функционировали специальные отделения, где преподавание велось на языках народностей. В 1970 г. был открыт университет в Косово с преподаванием на албанском и сербском языках. В 1978 г. была создана Академия наук и искусств Косово.

Не хотелось бы все сложности жизни населения Косово объяснять чисто этническими противоречиями, искать их в «культурной несовместимости» и «столкновении цивилизаций». В определенной степени роль традиций, конечно, сказывалась на ситуации в регионе. Но в целом сербы и албанцы многие годы жили мирно, общаясь на уровне соседских, производственных и дружеских отношений. Межэтнические контакты в названных выше сферах жизни были достаточно тесными. Что же касается родственных связей, то здесь дистанция между «своими» и «чужими» была наиболее ощутимой. Тем не менее, в прошлом различия в вероисповедании не препятствовали заключению браков. Для горцев гораздо важнее было соблюдение родовой экзогамии, обычай искусственного родства – кумовство и побратимство – распространялись вне зависимости от этнической принадлежности³⁹. В начале 80-х гг. XX в. уровень межэтнической брачности в Косово был несколько ниже, чем в целом по стране, но, тем не менее, смешанные браки, в которых один из супругов был албанцем, составляли 7,8 %. В последние же десяти-

летия картина резко изменилась. С ухудшением межэтнической ситуации в крае албанцы и сербы практически полностью прекратили вступать в совместные браки. Из ста браков, заключенных албанцами Косово в 1993 г., только два были этнически смешанные⁴⁰.

Для понимания сути происходящих в Косово событий важно отметить, что этот край был и остается одним из экономически и индустриально слабо развитых регионов бывшей Югославии, население которого ориентировано на традиционные формы хозяйства, замкнуто к внешнему миру и имеет чрезвычайно высокий уровень рождаемости. Если в начале XX в. плотность населения в крае была заметно ниже средней по стране, то сейчас Косово является наиболее густонаселенной территорией бывшей Югославии⁴¹. Прирост населения по сравнению с югославскими и мировыми стандартами в Косово заметно выше, в 1984 г. он равнялся 25,2 на 1000 жителей в год. Если, например, в 1961 г. в среднем жительница Югославии в возрасте 35–39 лет имела 2,7 ребенка, то у албанок было в среднем по 5,4 детей. Уже в 80-е гг. XX в. более половины албанского населения Косово составляли молодые люди до 20 лет⁴². Нельзя забывать и о том, что граница между Косово и Албанией была практически открытой вплоть до этого времени.

Как в недалеком прошлом, так и сегодня, в крае остро стоит проблема трудоустройства. При этом Косово является единственным районом бывшей Югославии, где в абсолютном исчислении выросла численность лиц, занятых в сельском хозяйстве⁴³. Этот вид деятельности до сих пор преобладает в экономике региона. В силу этого обстоятельства земля здесь является особой ценностью. Стоимость местных земельных участков в югославской истории постоянно росла и, в конце концов, превысила их цену в других частях страны. Тем не менее, пригодных для пользования наделов стало не хватать. Соответственно все чаще стали нарушаться традиционные правила землепользования, возрастало число вызванных этим конфликтов. Многие из них сопровож-

ждались кровной мстостью между албанскими кланами. В период с 1964 по 1970 гг., например, только окружной суд в г. Приштина рассмотрел 320 дел, связанных с кровной мстостью. Исследователи отмечают, что большинство из них – следствие нерешенных столкновений из-за земли. Принудительная продажа и даже насильственный захват участков не были исключительными явлениями⁴⁴.

Иногда такие столкновения имели этническое измерение: богатые и влиятельные албанские кланы принуждали сербских крестьян продавать землю. Местные власти также не могли избежать влияния этих сил. Но все-таки я бы не стала чрезмерно этнизировать проблему и извлекать ее из контекста. В Сербии распространено мнение, что давление на сербов и как следствие – массовое выселение сербов и черногорцев из Косово в 70-80-е гг. XX-го в. – результат албанского «плана» очищения края от сербов. На самом деле, как мне кажется, тогда все было гораздо прозаичнее и имело социально-экономическую и демографическую подоплеку.

Косово все-таки было белым краем. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что по данным агентства ТАНЮГ в октябре 1989 г. средняя заработная плата рабочих и служащих в Словении составила 154 % по отношению к среднеюгославскому уровню, в Воеводине – 107,32 %, в Хорватии – 101,34 %, тогда как в Косово она достигла всего лишь 58,98 %⁴⁵.

Федеральное правительство на протяжении многих лет проводило отчисления в бюджет этого края, чтобы выровнять социальное положение жителей страны. Специально для финансовой поддержки и экономического стимулирования южных районов государства в 1965 г. был создан Федеральный фонд по ускорению развития малоразвитых республик и Косово. Кстати, существование этого фонда вызывало резкое недовольство Словении и Хорватии, которые в значительной степени обосновывали свои движения за независимость нежеланием уменьшать свое богатство, помогая менее удачливым согражданам. По-

литика выравнивания экономического развития объективно тормозила и замедляла темпы роста экономически продвинутых регионов. Только 1,8 и 2,4 % общественного продукта страны инвестировались в Хорватии и Словении, тогда как в Косово инвестиции составляли 15,6 %. Уже в начале 50-х гг. экономисты, в частности из Загребского института экономики, обратили внимание на эту проблему, которая в полиэтничной стране вызывала не только экономические, но и политические последствия. В данном случае экономические сложности также стали одним из факторов, породивших этнический конфликт.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

Ликвидация суверенитета автономных краев в 1990 г., естественно, привела к усилению конфронтации между государственной властью и албанским национальным движением, их поляризации вплоть до взаимного непризнания и отсутствия диалога. 5 июля 1990 г. была приостановлена деятельность парламента и правительства автономного края Косово. Реакцией со стороны албанцев явилось принятие 7 июля 1990 г. албанской частью косовского парламента *Декларации о независимости*, а 2 сентября была утверждена Конституция «Республики Косово». В конце сентября 1991 г. состоялся референдум о независимости Косово. Эти действия албанцев, естественно, были опротестованы правительством Югославии. Политика сербских властей и действия албанских активистов привели к новому ухудшению межэтнических отношений в крае как на бытовом, так и на политическом уровнях.

Своеобразной формой протеста явилась самоизоляция албанцев в политической и общественной жизни страны. Они не участвовали в переписи населения, в выборах в государственные органы, отказались от общепринятой в Сербии образовательной системы, хотя преподавание и велось на албанском языке.

По подсчетам экспертов, участие албанцев в парламентских выборах обеспечило

бы им порядка 25 мест в парламенте, т. е. 10 % голосов. Столь значительный депутатский блок, несомненно, изменил бы баланс сил в республиканском руководстве. Несмотря на оппозиционный настрой албанцев, члены правящей Социалистической партии Сербии призывали их не отказываться от участия в выборах. Это объяснялось тем, что факт наличия албанского электората означал бы признание ими легитимности конституционного устройства страны, а, кроме того, вопрос о лояльности албанского меньшинства к государственной власти в Югославии был важен не только с политической, но и с психологической точки зрения. Албанское движение являлось мощной политической силой, с которой не могли не считаться сербские и федеральные власти.

В мае 1992 г. албанцы Косово провели независимые президентские и парламентские выборы. В июне 1992 г. избрание парламента было объявлено центральными властями незаконным, он был разогнан сербской милицией, а часть его делегатов (12 чел.) арестована⁴⁶.

Со своей стороны, албанцы имели массу претензий к югославскому (сербскому) руководству и его национальной политике. Албанские лидеры утверждали, что отношения между Сербией и Косово решались силовыми методами, что сербский парламент принял целый ряд законов, дискриминирующих албанцев, таких как Закон о трудовых отношениях в условиях чрезвычайного положения, Закон об образовании в Косово, Закон о средствах массовой информации, Закон о создании общественных предприятий⁴⁷.

В результате этого противостояния на территории Косово стали функционировать две сепаратные подсистемы: экономические, политические, культурные и т. д. Официальная сербская власть представлена административными структурами, албанцы же имеют свой собственный парламент, правительство, экономический комитет, здравоохранительные органы.

Политическая жизнь албанцев была организована под руководством альтернатив-

ных оппозиционных партий, главную роль среди которых в этот период играл *Демократический Союз Косово* под председательством Ибрахима Руговы. Именно он был избран президентом непризнанной республики. Важно отметить, что в тяжелые годы войны на постюгославском пространстве сторонники И. Руговы пытались найти мирный путь к достижению цели создания независимой и самостоятельной республики.

В целом же, притязания албанских лидеров в Косово включали в этот период отделение региона от Сербии, либо полное, либо через автономию, предоставляющую краю независимость.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ – ТОЖЕ ФОРМА ПРОТЕСТА

Сербы и албанцы старались сделать свои контакты минимальными. Межэтнические противоречия коснулись многих сфер жизни населения Косово. Сказались они и на школьном образовании. Причем подливали масла в огонь обе стороны. Например, родители сербских детей в одном из косовских городов Дечаны потребовали обеспечения «этнически чистых классов» и настаивали, чтобы обучение шло в разных зданиях⁴⁸.

Албанцы считали вопрос об образовании одним из способов проявления своей независимости. В Косово албанцы отказались от единой образовательной системы, существовавшей в Сербии, хотя преподавание и велось на албанском языке. Было введено так называемое «параллельное» обучение по особой программе.

Власти Сербии не признавали дипломы и аттестаты «параллельных» институтов и школ. Однако, несмотря на это, в Косово действовало 13 албанских институтов, дипломы которых на середину 90-х гг. получило около 10 тыс. человек, школьным обучением было охвачено 339 тыс. детей, которым преподавало более 18 тыс. учителей в 480 школах. Эти школы сначала не имели приспособленных помещений (использовались частные дома, культовые зда-

ния, гостиницы, подвалы и т. д.), существовали и финансовые сложности для их функционирования. Тем не менее, в 1994/1995 учебном году в государственные школы Косово, по данным краевого комитета по образованию, не пошел ни один ученик албанской национальности. Лишь незначительное число детей из национально смешанных семей училось в официальных школах, но они избрали для себя сербоязычные классы⁴⁹. 1 сентября 1996 г. между Белградскими и Приштинскими властями было подписано *Соглашение об образовании*. Стороны констатировали, что необходимо добиваться нормализации образовательной системы в Косово для албанских детей и молодежи. Но, к сожалению, особых изменений в ситуации этот документ не принес.

Школьное образование является институтом, формирующим идентичность будущего населения края. Поэтому ему уделялось особое внимание. Албанцы также выступали за развитие своего языка и культуры, национальной самобытности, добивались получения прав «по наивысшим стандартам, предусмотренным ООН».

КОНТАКТЫ С «ЭТНИЧЕСКИМИ БРАТЬЯМИ»

Албанцы Косово стимулировали активизацию действий албанцев, проживающих и за пределами этого края. В частности, они поддерживали подобные устремления албанцев в Черногории. В августе и сентябре 1992 г. в этой югославской республике состоялись заседания *Демократического форума албанцев Черногории*, который принял *Меморандум Демократического форума*, предусматривавший специальный статус албанцев Черногории, т. е. автономию. Меморандум был негативно воспринят властями Черногории. В августе 1994 г. на очередном заседании Демократического форума албанцев Черногории вновь был поднят вопрос о меморандуме. Албанцы высказывали недовольство недостаточными возможностями для развития своей культуры, отсутствием албанского языка в

административной жизни, даже считали себя дискриминируемыми в экономическом, культурном и информационном плане. Они отмечали намеренное стремление властей изменить структуру населенных пунктов путем переселения в районы компактного проживания неалбанцев. В связи с этим албанцы Черногории еще раз заявили о своем желании получить автономию в составе Черногории и право на поддержание экономических, культурных, образовательных связей с Албанией и регионами бывшей Югославии, населенными албанцами. Как и в самом начале 90-х гг., политическая общественность Черногории в основном негативно относилась к стремлению албанцев получить административно-территориальную автономию, хотя и считала необходимым обеспечение духовных потребностей албанцев, обсуждала вопрос о создании кафедры албанского языка и литературы в Университете Черногории и т. д.⁵⁰

Албанцы Косово поддерживали активные отношения также с албанцами, проживающими за пределами СРЮ, в частности, в соседней Македонии, где албанцы составляют более четверти населения, компактно проживая в западной части страны. В Македонии сейчас фактически функционирует автономия албанцев, хотя формально ее нет.

Для понимания серьезности проблемы, важно учесть специфику взаимоотношений Косово с Албанией. Следует обратить внимание на то, что на протяжении полувека после Второй мировой войны ситуация в Косово являлась мощным раздражителем для югославо-албанских отношений. Руководство Албании никогда не отказывалось от претензий, по меньшей мере, на опеку над албанским населением Косово, не исключая и объединения при благоприятных обстоятельствах с этим краем.

Безусловно, демократические процессы в Албании, делали ее все более привлекательной для косоваров, и некоторые политические лидеры тяготели к объединению с Албанией. Как заявил корреспонденту газеты «Борба» в середине 90-х гг. секретарь Социалистической партии Косово Б. Бечай,

«приоритетный момент всех наших программ — как освободиться от оккупации сербского режима...»⁵¹

В 70-80-х гг. XX в. югославские власти пытались проводить политику своего рода «открытых дверей» между Косово и Албанией, полагая, что более высокий уровень жизни и материального развития Косово послужит гарантией против усиления проалбанских настроений среди албанского населения Косово. Дело дошло даже до того, что для работы в Приштинском университете привлекались преподаватели из Албании, использовались изданные там учебники. На практике, однако, это способствовало усилению разброда в умонастроениях, а невестребованность в СФРЮ большей части выпускников Приштинского университета (в основном гуманитарных специальностей) привело к усилению их безработицы и ощущению «ущербности», к ностальгическим взглядам в сторону «прародины». Ситуация особенно обострилась на фоне общегосударственного кризиса и распада СФРЮ, ужесточения курса правительства Сербии. Не случайно многие политики и наблюдатели в СРЮ и за рубежом именно в Косово видели потенциальный очаг следующей вспышки конфликта, чреватого военными столкновениями, в которые почти неизбежно вмешалась бы и Албания.

Важно учесть также, что косовский вопрос стал интернационализироваться, в частности его использовали в качестве аргумента для решения других проблем и прежде всего при выработке стратегии в связи с положением сербов в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. Как югославские лидеры, так и их оппоненты вынуждены были говорить о выработке одинаковых условий для всех республик и этнических групп, т. е. как для сербов за пределами Сербии, так и для албанцев в Сербии. Хотя с потерей автономии хорватскими сербами данное сопоставление стало менее актуально.

ЖИЗНЬ ВРОЗЬ

В 90-е гг. в Косово стала возрастать гомогенность населения. Это проявлялось, в

частности, в резком сокращении этнически смешанных населенных пунктов. В начале 90-х гг. из общего числа 1445 поселений 1154 были этнически однородными, в 195 из них также преобладала одна национальность. Таким образом, в 93,4 % населенных пунктах края доминировала одна этническая группа. Количество поселений при этом оставалось прежним, менялся лишь их этнический состав. За период с 1961 по 1981 гг. число смешанных поселений сократилось почти в два раза, но ни в одном не шли изменения в сторону увеличения сербских жителей. Увеличивалось число албанских поселений, либо «этнически чистых», либо с преобладанием албанцев. Если в 1961 г. албанские поселения в Косово составляли менее половины, то через двадцать лет их стало $\frac{2}{3}$ от общего числа населенных пунктов. Быстрый рост численности албанского населения при резком сокращении доли сербских жителей в Косово был вызван не только высоким уровнем рождаемости среди албанцев, но и отъездом сербов из этих краев. Данные свидетельствуют, что за последние сорок лет в 29 обследованных общинах сербы продали албанцам 2715 земельных владений, а албанцы сербам лишь 140⁵². С 1961 по 1980 гг. в центральную Сербию и другие районы из Косово выехало около 115 тыс. сербов и черногорцев, в последующее десятилетие край покинули еще 50 тыс. славян.

В 80-е гг. албанские экстремисты делали все возможное, чтобы превратить Косово в регион с этнически чистым населением. В этой связи они прибегали к самым разным мерам, часто даже жестоким. К ним следует отнести трудности с устройством на работу для сербов и черногорцев, поджоги и разгром жилых и хозяйственных построек, уничтожение посевов и скота, осквернение православных храмов и кладбищ и т. д.⁵³ Такая ситуация вынуждала людей сербской и черногорской национальности покидать места своего постоянного места жительства. В Косово долгие годы шел процесс «этнизации» территорий, характерный в целом для государств бывшей Югославии.

МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

После поражения жителей Сербской Краины в Хорватии и потока беженцев, хлынувшего в Сербию, Балканский кризис получил новый поворот. По албанским источникам около 3000 беженцев обосновались в Косово, тогда как ранее из общего числа мигрантов 1991–1992 г. лишь 0,3 % чел. избрали своим местом жительства этот край⁵⁴. Косово в силу своей экономической отсталости и сложных межэтнических отношений менее всего привлекало переселенцев. Однако, как и можно было предположить, Белградское руководство предприняло попытку колонизации этого края сербами.

Миграционное движение в Косово уже давно является объектом политики. Руководство страны оценивало эмиграцию сербов из края как результат давления со стороны албанцев, тогда как переезд в Косово албанцев из Македонии и других регионов бывшей Югославии воспринимался как один из способов албанизации региона. В последние годы XX-го в. эти факторы послужили основанием для выработки официальных программ, способствовавших привлечению сюда сербов и черногорцев. В частности, при поддержке Верховного комиссариата ООН по беженцам и за счет собственных средств в Косово было осуществлено строительство жилья для беженцев. Преимущество при его покупке получили сербы и черногорцы⁵⁵.

По правилам, действовавшим в Косово, представители этих двух народов могли без проблем приобрести жилплощадь у албанцев, тогда как албанцы в подобном случае должны были предъявить справку о трудоустройстве в Косово. Кроме того, сербам и черногорцам предоставлялись льготы при поступлении на работу.

Вместе с тем нужно отметить, что, по неофициальным данным, за годы Балканского конфликта от 350 тыс. до 500 тыс. албанцев покинули край и обосновались в странах западной Европы. Это, безусловно, могло бы способствовать сербизации края, но, учитывая высокий уровень рождаемости

албанцев, все усилия по изменению этнической структуры края не могли иметь успех. Сербам, видимо, придется смириться с тем, что Косово стало албанской землей⁵⁶.

В тех политических условиях албанцам нелегко было продемонстрировать свою лояльность центру, тем не менее, албанские лидеры в годы кризиса пытались найти мирный путь решения проблемы, албанцы Косово не вели в самые тяжелые годы экстремистских действий.

ПОДГОТОВКА К БОЮ

К сожалению, ситуация в Косово и Метохии вновь стала накаляться после прекращения военных действий в других горячих точках Балкан. Постдейтонский период характеризовался постепенной международной маргинализацией косовской проблемы, что было связано с ростом радикальных формирований в регионе. В начале 1996 г. достаточно лояльная позиция Демократического союза Косово и ее лидера Ибрахима Руговы стала подвергаться критике со стороны его сограждан. Наметился политический разрыв между президиумом «Республики Косово», находящимся в Косово, и исполнительными органами, дислоцированными за границей⁵⁷.

Начало политическим дебатам было положено Адемом Демачи, писателем и диссидентом, который провел 28 лет в тюрьме. Он изложил свою позицию в интервью Белградскому еженедельнику «Телеграф» и призвал к пересмотру политической тактики⁵⁸.

В конце того же года на политической сцене появилась новая организация «Освободительная армия Косова», которая стала вести борьбу силовыми методами. (Впервые она дала о себе знать в апреле 1996 г. письменным сообщением о своем существовании в адрес ряда газет, в т. ч. «Deutsche Welle» 20 июня.) Согласно прессе, ОАК насчитывала тогда от 15 до 30 тыс. чел. и имела тренировочные лагеря в крае и за рубежом⁵⁹. В тот момент ее главной целью являлось привлечение внимания мирового сообщества к проблеме Косово. В качестве

переходной стадии к независимости предлагался уже тогда международный протекторат. Кстати, идея международного протектората еще раньше была высказана Демократическим союзом Косово и ее лидером И. Руговой⁶⁰.

По сведениям МВД Сербии, например, в 1996 г. в Косово произошло 31 столкновение между албанскими боевиками и МВД Сербии, в 1997 г. их количество достигло 55. Всего же с 1991 г. по 3 июня 1998 г. в Косово имело место 543 политических акта, из которых большинство (409) приходилось на пять месяцев последнего года. В январе 1997 г. полиция арестовала 55 албанцев, среди которых было около 20 членов «Освободительной армии Косово». Эта организация также взяла на себя ответственность за все инциденты, которые имели место в течение ноября 1997 г. на территории Косова и Метохии. Одной из акций борьбы тогда стало нападение на автомобиль судебных исполнителей в с. Вочняк и последующая перестрелка с полицией. Выступления албанцев периодически вспыхивали в разных точках региона. К июлю 1998 г. число жертв столкновений уже составило не менее 350 чел., включая 30 полицейских.

По данным экспертов ОБСЕ на 1999 г., в ОАК было рекрутировано 7000 боевиков, объединенных в 14 отрядов и прошедших специальное обучение под руководством опытных инструкторов из разных стран мира⁶¹.

Другой силой, активизировавшейся в Косово, стали студенческие протесты. Мобилизация студентов «теневого» университета Приштины сыграла важную роль в поощрении более активной стратегии в борьбе. Их акции в октябре 1997 г. снимали широкую поддержку у общественности и пошатнули ранее непререкаемый авторитет косовского лидера Ибрахима Ругоды. С тех пор демонстрации в Косово вновь стали перманентным явлением, в частности, массовые выступления состоялись в конце февраля 1998 г.

НАПРЯЖЕННОСТЬ НАРАСТАЕТ

Согласно сообщениям прессы, 27 февраля 1998 г. два сербских полицейских были убиты албанцами в д. Ликосане около г. Глоговац. На следующий день силы безопасности Сербии провели рейд в 7 или 10 деревнях, пытаясь задержать членов Освободительной армии Косово. По данным сербской стороны, в результате акции погибло 16 албанцев, албанцы говорили о 30 убитых, лишились жизни также 6 сербских полицейских. 2 марта албанцы (от 30 тыс. до 100 тыс.) провели демонстрацию протеста в центре г. Приштин, которая была разогнана⁶².

На сцене все активнее стала появляться Освободительная Армия Косова. Ее роль возросла после происшествий в Дренице в марте 1998 г., в результате которого погибло около 100 чел.⁶³ Сражение под Ораховцем в июле 1998 г. показало, что боевики накопили достаточно оружия для ведения долгой войны. Бой завязался в результате нападения отряда сепаратистов на пост милиции, затем перерос в полномасштабную войну. Одновременно тяжелые бои развернулись на югославо-албанской границе: со стороны Албании прорывалось подкрепление. Затем произошло несколько столкновений на границе, интенсивные перестрелки велись и во внутренних районах Косово. Так или иначе, ОАК летом 1998 г. уже контролировала 30–40 % территории края. По сведениям сербской стороны, за первую половину 1998 г. албанские сепаратисты совершили 1126 террористических акций⁶⁴.

Настроения того времени отражают слова лидера Социал-демократической партии Люлета Пуля-Бечири. Он отметил в одном из выступлений, что семилетнее пассивное сопротивление косовских албанцев сербским властям не принесло результатов, что международная общественность игнорировала вопрос Косово и поэтому недовольство в низах растет. По его словам, «появление вооруженного сопротивления — естественный и ожидавшийся поворот событий, аналогичный всем другим освободительным движениям в мире»⁶⁵.

Весной 1998 г. политический спектр Косово переживал небывалый подъем. Количество албанских политических партий достигло 48. Обстановка особенно накалилась в период подготовки состоявшихся 22 марта 1998 г. выборов президента и скупщины (парламента) «Республики Косово». Выборы показали, что Демократический союз Косово стал авторитетной политической силой в регионе. Именно сторонники этой партии выставили свои кандидатуры на выборы и победили. Президентом вновь избран Ибрахим Ругова. 16 июля 1998 г. произошло историческое событие – первое заседание парламента Косово, в котором из 120 членов 110 по национальности были албанцами. Идриз Аети стал официальным лидером парламента. Но его полномочия в крае признавались с трудом. Вершили волю косовских албанцев боевики. Количество жертв в вооруженных столкновениях уже исчислялось сотнями.

С конца апреля мирные жители стали покидать свои дома. По данным Верховного комиссара ООН по проблемам беженцев, границу Албании ежедневно пересекало около 200 жителей Косово, а общее число переселившихся туда к июню 1998 г. достигло 10–12 тыс. Кроме того, Министерство внутренних дел Черногории дало сведения о присутствии на ее территории в этот же период 5,2 тыс. беженцев, среди которых 1033 сербов, 754 черногорца, 1929 албанцев, 799 мусульман и 438 лиц других национальностей. Беженцев из Косово приняла также и соседняя Македония⁶⁶. Все это свидетельствовало об эскалации напряженности и сложности обстановки в этом регионе.

Судя по источникам, ухудшалась и криминальная ситуация в Косово. Так, по данным французского «Геополитического обозрения наркоторговли за 1998 г.», ОАК переправила в Европу через балканский коридор – Турцию, Болгарию, Македонию, Косово – героина на 2 млрд. долл. Аналитики высказывают точку зрения, что проблема албанских беженцев имела не только гуманитарную подоплеку, но и была вызвана целями пополнения албанской диас-

поры за рубежом и укрепления албанской наркосети для получения «налога» с албанцев за рубежом для ОАК. Например, весной 1997 г. на слушаниях в парламенте Италии отмечались факты пополнения албанской сети под видом «беженцев» из Косово⁶⁷.

КОСОВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСРЕДНИКИ

Ситуация была далека от стабилизации. В проблему Косово все активнее стали вмешиваться международные посредники. Одним из их первоначальных действий стало включение вопроса о Косово и Метохии в повестку для Конференции Совета по применению мира в Боснии и Герцеговине (Бонн, декабрь 1997). Однако это вызвало резко негативную реакцию Союзной Республики Югославии, которая считала ситуацию в Косово и Метохии своим внутренним делом, не относящимся к сфере полномочий сил, занимавшихся выполнением мирных соглашений о Боснии и Герцеговине. Аргументом югославской стороны являлся факт отсутствия в Дейтонских соглашениях какого-либо упоминания о косовских албанцах. Поскольку все-таки вопрос Косово и Метохии был включен в заключительный документ Боннской конференции, делегации СР Югославии и Республики Сербской покинули зал заседаний⁶⁸.

Однако в дальнейшем руководство СРЮ вынуждено было смириться с интернационализацией проблемы Косово. Положение в этом автономном крае стало предметом специальных обсуждений крупнейших членов западного альянса и Контактной группы, состоящей из высокопоставленных представителей шести стран – России, США, Франции, Германии, Великобритании и Италии. В марте 1998 г. в Бонне даже был поставлен вопрос о повторном введении санкций против СРЮ. В конце апреля Контактная группа приняла решение об их установлении, отложив в дальнейшем их введение до 9 мая в случае отсутствия позитивных сдвигов.

Состоялось несколько заседаний Совета НАТО, в ходе которых рассматривались

варианты военного решения кризиса. Как известно, Москва резко высказалась против силового подхода и взяла на себя роль посредника в переговорах с сербской стороной. Борис Ельцин и Слободан Милошевич встретились в Москве 16 июня, дискуссия имела позитивный результат. С. Милошевич во многом пересмотрел свои позиции. В Белграде стали активно работать над проектом широкой автономии для Косово. В крае с подачи России началась деятельность международной дипломатической наблюдательной миссии.

Началом политического диалога между Белградом и Приштиной явилась состоявшаяся в середине мая встреча С. Милошевича с И. Руговой. Слободан Милошевич неоднократно говорил о готовности Белграда приступить к переговорам с албанцами, правда, без международных посредников, на чем настаивала Контактная группа. Сами албанцы, недовольные предлагаемым сценарием переговоров, отказывались встречаться с официальными властями и обвинили И. Ругову в мягкотелости. Приштинская делегация не явилась ни на одну из намечавшихся встреч.

Летом 1998 г. радикальные лидеры Косово, по словам заместителя министра иностранных дел РФ Н. Афанасьевского, выдвинули новые требования: отменить законы, принятые после 1989 г., и признать независимость этой провинции. Как тогда считала Контактная группа, речь могла идти только об автономном статусе Косово в рамках Югославии.

Германия и США выступили сторонниками подключения к диалогу Освободительной армии Косово, тогда как это было неприемлемо и для С. Милошевича, и для И. Руگوی, последний хотел представлять на переговорах все силы края, включая Освободительную армию Косово.

В июле 1998 г. на заседании Контактной группы в Бонне особое внимание было уделено плану министра иностранных дел ФРГ Клауса Кинкеля. Этот документ предусматривал незамедлительное прекращение огня в качестве предварительного условия для начала диалога Белград-При-

штина; осуществление принятых международным сообществом санкций против Югославии и резолюций Совета Безопасности ООН; выработку основных принципов автономии для Косово; учреждение масштабной миссии международных наблюдателей в регионе и разработку региональной программы по проблеме беженцев.

БУДУЩЕЕ КРАЯ

Обстановка в Косово стала поводом для нанесения ракетно-бомбовых ударов войсками НАТО (24 марта 1999 г.). 78 дней продолжались действия альянса. По данным югославской стороны, в результате этой акции погибло более 1200 мирных жителей, в том числе 400 детей. Уничтожено около 90 памятников истории и архитектуры, более 300 зданий школ, вузов, библиотек, более 20 больниц и более 80 гражданских промышленных объектов. Верховный Комиссариат по делам беженцев приводит сведения о том, что с марта по май 1999 г. из Косово бежал почти миллион (930 811) жителей. По данным ОБСЕ, к 8 апреля 1999 г. официально была зарегистрирована 621 тыс. беженцев из Косово.

О потерях сербской стороны свидетельствует, например, тот факт, что после бомбовых ударов НАТО в 1999 г., только в течение первого года в Косово было разрушено 150 православных храмов⁶⁹. Есть цифры, касающиеся потерь албанской стороны. В крае уничтожено 127 тыс. албанских домов, большинство из которых на сегодняшний день не восстановлено⁷⁰. Как сообщает неофициальные источники, за годы Балканского конфликта от 350 тыс. до 500 тыс. албанцев покинули край и обосновались в странах Западной Европы. По данным УВКБ ООН, Косово покинуло около 650 тыс. албанцев, из них 350 тыс. после вмешательства НАТО⁷¹.

10 июня 1999 г. была принята Резолюция Совета Безопасности ООН № 1244, которая, с одной стороны, была призвана гарантировать суверенитет и территориальную целостность СРЮ, а с другой – предписывала развертывание в Косово под эги-

дой ООН международных сил безопасности при существенном участии Организации Североатлантического договора. Косово было выведено из-под юрисдикции Республики Сербия и стало частью Союзной Республики Югославия, переименованное впоследствии в госсобщество Сербия и Черногория. Были приняты такие меры, как ускоренное принятие конституционных рамок самоуправления Косово, введение постов президента и председателя правительства края, создание независимой судебной системы, а также проведение общекраевых выборов, причем в условиях, когда 300 тыс. неалбанских жителей покинули край. Сербия практически полностью утратила контроль над этой частью пока все-таки территории страны. Была создана Международная кризисная группа. Она решила, что вопрос о статусе Косово будет решен позднее.

Освободительная армия Косово по условиям мирного соглашения должна была в течение 90 дней сдать крупнокалиберное оружие, но албанская сторона не выполнила этот пункт соглашения. Исключительно албанцы принимали участие в прошедших в октябре 2000 г. выборах в местные органы власти. Победивший на них Ибрагим Ругова – лидер Демократической лиги Косово – и другие албанские политические деятели открыто говорили о том, что уже считают себя независимыми. Значительная часть международного сообщества, пусть не формально, но фактически, поддерживает такую позицию. В качестве независимой стороны лидеры Косово уже участвовали в нескольких международных переговорах.

Сейчас в Сербии мало кто имеет иллюзии относительно реальности сохранения Косово в составе своей страны. Хотя в республике есть три точки зрения по этому поводу: 1) Косово – сербская земля. Включение в Евросоюз не стоит такой жертвы, как ее потеря. Это мнение, например, огласил лидер Сербской православной церкви владыка Афанасий. Сходна позиция сербского писателя Добрицы Чосича. 2) Другая крайняя точка зрения принадлежит Партии

«Г-17 плюс» во главе с председателем М. Лабусом, который выступает за европейскую Серию без Черногории и Косово. Будучи экономистом, он видит в них обузу для экономики Сербии. Лозунг «Сербия на первое место» стал главным для партии на выборах президента в декабре 2003 г. 3) Сторонники промежуточной точки зрения согласны отдать Косово, но настаивают на его разделе, т. е. на присоединении к Сербии регионов, населенных сербами. В 2003 г. Сербия вновь подняла вопрос об изменении границ на Балканах. Заместитель председателя правительства Чович тогда сказал, что, если «албанцы за независимость, то мы – за раздел Косово». Вновь вспомнили и о Сербской Крайне в Боснии и Герцеговине. Если право на отделение признается за албанцами, то почему в этом отказывают сербам?⁷²

Независимость Косово, скорее всего – дело времени. Вопрос заключается в том, каковы будут условия его отделения. Для международного сообщества сейчас важно определиться не по поводу статуса края, а о шагах, которые приведут к реализации их решения. Дать ли что-нибудь сербам в обмен за потерю территории или нет? Контактная группа размышляет, как сообщить сербам о независимости Косово, а албанцам – что им придется этого подождать. Сербов завлекают перспективой вступления в Евросоюз.

Оттягиванием решения, стал лозунг миротворцев «стандарты перед статусом». Под стандартами, прежде всего, подразумевается обеспечение прав меньшинств, т. е. неалбанского населения. В ожидании пряника в виде независимости албанцы вынуждены поумерить свои страсти.

На встрече контакт-группы в столице края Приштине в 2005 г. была оглашена нынешняя позиция мирового сообщества. Она заключается в том, что Косово должно сохранить свои сегодняшние границы. Оно не может быть разделено и или присоединено к какому-либо государству в дальнейшем (имеется ввиду Албания), не может объединиться с другими территориями, населенными албанцами.

Четыре вопроса, по мнению миротворцев, будут определять будущее Косово:

- Договоренность о Косово, которое по решению контакт-группы должно представлять собой мультиэтническое общество;
- полное сотрудничество с Международным судом по вопросу военных преступников;
- вопрос о Государственном содружестве Сербия и Черногория;
- и в целом добрососедские отношения на Балканах.

Контакт-группа настаивает на диалоге Белграда и Приштины и, особенно, на диалоге косовских сербов и косовских албанцев по вопросу о реформах в крае.

Очевидно, что население Косово (албанцы) не согласится на возвращение под власть Белграда. За неполные семь лет присутствия администрации ООН и международных сил КФОР в Косово созданы основные предпосылки для независимого государства. Во всяком случае – полностью независимого от Сербии. И сворачивания суверенитета Косово ожидать не приходится, даже если международные посредники изобретут для статуса края некую компромиссную юридическую формулировку, вместо независимости.

Сербия, стараясь сохранить хоть в каком-то варианте Косово в своем составе, на самом деле на это почти не надеется. Официальный Белград предлагает отложить решение вопроса о статусе Косово на 20 лет, а пока предоставить ему «больше, чем автономию, но меньше, чем независимость».

Прежде всего, Сербия настаивает на обеспечении прав косовских сербов. Сейчас они остались лишь в селах трех северных областей Косово, пограничных с южной Сербией. Единственный город, где есть сербы – Косовска Митровица, поделена рекой Ибар на северную – сербскую и южную – албанскую части. Они абсолютно не контактируют между собой.

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО СЕРБАМ В КОСОВО

Последнее значительное столкновение между сербами и албанцами произошло в

марте 2004 г. и продемонстрировало прозрачность усилий по стабилизации ситуации в крае, по созданию там многоэтнического общества.

Массовые волнения начались 17 марта в г. Косовска-Митровица, разделенном рекой Ибар на албанскую и сербскую части. Поводом к беспорядкам послужила смерть в реке двух албанских детей (старшему из которых 12 лет), по неподтвержденным сообщениям албаноязычной прессы от 16 марта со слов оставшегося в живых ребенка, спасавшихся от преследований группы сербской молодежи. Сотни возбужденных албанцев пытались прорваться на другой берег в сербскую часть города через мосты, охраняемые французскими солдатами из КФОР. Их встретили слезоточивым газом. В ответ полетели камни, бутылки с зажигательными смесями.

Затем начались погромы в других населенных пунктах: Гниляне, Липлян, Печ, Приштина, Урошевац, Чаглавица и др. В с. Бело-Поле рядом с г. Печ были сожжены 25 домов вернувшихся сербских беженцев. Та же участь постигла 650-летний монастырь Святого Архангела близ г. Призрен и церковь св. Георгия в самом Призрене, а также храм в г. Обилич. В с. Чаглавица албанцы прорвали оцепление полиции ООН, подожгли десяток ооновских автомобилей и ранили военнослужащих КФОР, чей отряд численностью 350 человек срочно прибыл из Боснии.

В ответ на антисербские погромы в Косово начались антиалбанские выступления в Белграде и других сербских населенных пунктах: в Белграде протестующая толпа подожгла мечеть XVII в., в городе Ниш сгорела другая мечеть, а в г. Нови-Сад было разгромлено здание местного отделения Исламского союза и забросаны камнями дома в районе компактного проживания мусульман. К границе с Косово был выдвинут сербский полицейский спецназ. Было закрыто и воздушное пространство Косово для полетов воздушной авиации.

В результате мартовских кровавых событий погибло 8 сербов и 11 албанцев,

около 1000 людей пострадало. Край едва удержался от войны⁷³.

Кризисная группа разработала специальную программу создания многоэтнического города Косовска-Митровица. Как сообщается в ее докладе, летом 1999 г. КФОР отгородил северную часть Косовска-Митровица и ее внутренние районы, чтобы создать зону безопасности для сербов ввиду угрозы их взятия под контроль Освободительной армии Косово (ОАК) и повторной этнической чистки, которая развертывалась в остальной части Косова. Однако уже в 2000 г. КФОР стало предпринимать усилия, чтобы помешать сербам ускорить там обмен населением. Когда в конце 2002 г. специальный представитель Генерального секретаря ООН Михель Штейнер основал временную администрацию Миссии ООН для северной Косовска-Митровица, он обосновал законность этого шага сильным изменением состава населения на основе сербского большинства. Это расходилось с тактикой мирового сообщества на Балканах. По мнению миротворцев, то, что произойдет здесь, окажет полнообразный эффект во всем Косово. Поэтому нынешняя тактика — необходимо оказать нажим на население, чтобы Косово осталось единым.

Политические деятели Белграда рассматривают север вообще, и Косовска-Митровица, в частности, как линию, по которой нужно остановить дальнейшее продвижение албанцев. Сербское национальное вече, правящий орган сербов Косово, приобрело статус главенствующей политической силы северного Косово особенно после того, как в 2004 г. премьер-министром Сербии стал Воислав Коштуница. Белград под его руководством проводит политику, по которой пыгается включить три северных области в свои структуры. Он потратил, например, средства на создание отдельной инфраструктуры телефонных линий, водоснабжения и т. д.

Сербы в основном опасаются не столько боевых действий со стороны албанцев, сколько того, что демографический прилив в северные районы обернется против них, включая вторжение значительного объема

албанского частного капитала. Чтобы остановить переход недвижимости в руки албанцев, Центр координации по делам Косово сербского правительства финансировал несколько покупок зданий, выставленных на покупку сербами на границе с албанскими общинами в северной Косовска-Митровице. Кстати, цыгане тоже сопротивляются поселению совместно с албанцами. Когда им было предложено восстановить цыганские кварталы в южной части Косовска-Митровица, они вышли в апреле 2005 г. на демонстрации с лозунгами «Мы с нашими сербскими братьями».

У албанцев, в свою очередь, также существует «табу» на продажу недвижимости на севере. В июле 2005 г. мэр южной Косовска-Митровица Спахиа заявил в интервью газете, что продажи теперь могут повредить процессу воссоединения⁷⁴.

Что касается албанцев, естественно, все главные партии поддерживают независимость Косово в пределах установленных границ. Но они не особенно горят желанием и мотивацией вкладывать деньги в Косовска-Митровица, для них это проблема. Они не прочь поторгаться с сербами: отдать им северные районы в обмен на т. н. «восточное Косово», районы, населенные албанцами, но не входящие в его состав.

Однако Контактная группа и ЕС приняли решение исключить раздел Косово. Поэтому албанцам нет необходимости идти на уступки сербам. Как полагают миротворцы, Косовска-Митровица станет скорее центром Косово, чем периферией. Правда, эта идея не прививается в Приштине. Она не очень-то соглашается и на то, чтобы в будущем перевести на север часть правительственных учреждений.

Надо сказать, что северная Косовска-Митровица имеет свою инфраструктуру, больницу и университет. Для университета (филологического и философского факультетов) были построены новые здания после того, как университетом в Приштине в 1999 г. завладели албанцы. Тогда большинство факультетов нашло пристанище в разных городах южного Косово, только технический факультет остался в северной

Косовска-Митровице до тех пор, пока правительство Сербии не воссоединило почти все факультеты здесь. «Университет Приштины» был переименован в «Университет Косовска-Митровицы». Албанцы восприняли этот университет как нелегальную параллельную структуру. Ставший к настоящему времени полностью албанским, университет Приштины не проявил никакого интереса к сотрудничеству, хотя в южной части Косовска-Митровице расположено два его факультета. Университет отказал в приеме двум абитуриентам-сербкам из северной части города в 2003 г.

Слухи о предстоящем албанском «решиающем наступлении» возникают в Косовска-Митровице периодически, начиная в 1999 г. После вспышки насилия в марте 2004 г. эти слухи стали усиливаться. В конце июня 2004 г. телеканал Косовска-Митровице «Мост» сообщил, что албанцы готовятся к новому наступлению через реку. Аналогичные репортажи были не редкостью.

Косовский албанец Адам Демачи, являющийся одним из старейших политиков в Косово, разжег новые опасения сербов своим заявлением, сделанным в июле 2005 г. и опубликованном в периодическом издании «Блик». В его заявлении говорилось, что если Белград и Миссия ООН продолжают удерживать политические устремления албанцев в интересах сербского меньшинства, они столкнутся с «насилием таких масштабов, перед которым события 17 марта 2004 г. просто померкнут»⁷⁵.

ОПАСНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ ДЛЯ ПОЛИЗТНИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

Контактная группа (РФ, США, Франция, Германия, Великобритания, Италия) призывают определить статус Косово в течение 2006 г. Формально переговоры по этому поводу начались в октябре 2005 г., когда соответствующее решение принял Совет Безопасности ООН. С тех пор международные посредники согласовывали детали то с одной, то с другой стороной. 21–22 февраля 2006 г. в Вене состоялась пер-

вая прямая встреча представителей руководства Косово и Сербии под эгидой уполномоченного ООН – экс-президента Финляндии Марти Ахтисаари. О том, что кардинальных решений от венских переговоров не ожидалось, свидетельствует тот факт, что в них не принимали участие первые лица сторон. (В связи со смертью лидера косоваров Ибрагима Руговы новым президентом Республики Косово стал 54-летний профессор права Фатмир Сейдиу.) На нынешнем этапе вопрос статуса Косово не затрагивался. В Вене шла речь о его децентрализации. На повестке дня были темы, связанные с образованием, здравоохранением, культурой, социальной политикой, полицией, правосудием, госпредприятиями. Было решено продолжить переговоры в марте.

Министр иностранных дел Сербии и Черногории подчеркнул, что правительство этой страны будет отстаивать формулу – «больше, чем автономия, но меньше, чем независимость». Представитель косовских албанцев, в свою очередь, призвал ускорить процесс по определению статуса края, который приведет его к полной независимости. Хотелось бы еще раз напомнить, что в Резолюции 1244 СБ ООН подтверждается территориальная целостность СРЮ (Сербии и Черногории). Новая договоренность должна быть закреплена в новой резолюции СБ ООН.

В Европе в последнее время стала популярна тема «условной» независимости Косово. Лидеры ЕС пытаются испытать еще один вариант выхода из ситуации – заставить Сербию самой дать Косово независимость. Сторона-посредник в данном случае решила применить политическое и экономическое давление, чтобы в итоге получить желаемый результат. Всем очевидно, что принятие решения по поводу косовской проблемы имеет далеко идущие последствия. Суть их в том, что в мире сосуществуют два противоречащих друг другу принципа. Первый – это принцип неделимости государства, второй – право наций на самоопределение. То есть, с одной стороны, мировая общественность не желает

дробления карты мира, однако, с другой стороны, мотивируя свое решение нарушениями прав человека в Косово, где сербы, якобы, начали притеснять албанцев, настаивает на предоставлении краю независимости.

Международное сообщество сформировало свою позицию по политическому вопросу, лежащему в основе югославского кризиса, – о праве субъектов федерации на провозглашение независимости. Обстоятельства, связанные с развитием военных действий, привели к изменению позиций международных участников этой драмы.

Может ли форма решения национального вопроса в Югославии послужить моделью для других схожих ситуаций? Скажется ли она на дальнейшем размежевании территорий? Ведь борьба за самоопределение на этнической основе влечет до отде-

ления не такой уж редкий случай в современном мире. Достаточно вспомнить непризнанные республики на территории бывшего СССР – Абхазию, Нагорный Карабах, Южную Осетию, Приднестровье. Всякая удачная попытка отделения части государства может иметь определенные последствия и для России, которой пришлось вести войну за сохранение Чечни в составе Российской Федерации. Этнические движения, распространившиеся на Западе в 60-е гг. нынешнего столетия (движение басков в Испании, католиков в Северной Ирландии, бретонцев и корсиканцев во Франции), показали злободневность этнических проблем в Европе. Так как же быть, когда у каждой стороны в конфликте своя правда? Возможно, мировое сообщество загоняет себя в тупик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об истоках кризиса и этническом факторе в распаде Югославии см. подробнее: *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. 466 с.

² *Popis stanovništva*. Кн. br. 15, 17. Savezni zavod za statistiku. Beograd, 1992.

³ Данные переписи населения Сербии приведены по: *Republički zavod za statistiku*. Beograd, 2003. Saopštenje br. 295.

⁴ Количество мигрантов дано по: *Helsinki povelja*. 2005. Br. 79-80. S. 27.

⁵ Избеглички корпус у Србији. Beograd, Републички завод за статистику, Министарство за људска и мањинска права. 2004.

⁶ См.: *Gruda R.* Nacionalno biće Bošnjaka Sandžaka. Novi Pazar, 2002; *Bašić G.* Položaj Bošnjaka u Sandžaku. Beograd, 2002.

⁷ *Политика*. 30.01.2003.

⁸ Там же.

⁹ *Čirilović M.* Nemoguće srboemogorke // *Politika*. 02.10.2003.

¹⁰ *Institut za statistiku Crne Gore*. Podgorica. 2004.

¹¹ *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova // Statistički bilten*. Beograd, 1982. Br. 1295. S. 8, 18.

¹² Там же.

¹³ *Bećirović D.* Crni oraj nad Crnom gorom // www.politika.co.yu/2004/0112/01_04.htm

¹⁴ См., например, по этому поводу: *Кашуба М.С.* Конфликтная ситуация в Государственном сообществе Сербия и Черногория // *Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия*. М., 2006.

¹⁵ *Политика*. 30.04.2003

¹⁶ См. *Bašić i dr.* Perspektive multikulturalizma u državama Zapadnog Balkana. Beograd, 2004. S. 53-79; *Demokratija i multikulturalnost u Jugo-istočnoj Evropi*. Beograd, 2003.

¹⁷ *Политика*. 03.06.2003.

¹⁸ *Etnički mozaik Srbije*. Ministarstvo za ljudska i manjinska prava Srbije i Crne Gore. Beograd, 2004; *Политика*. 03.06.2003.

¹⁹ *Helsinki povelja*. 2005. Br. 79-80. S. 41.

²⁰ *Ustav SRJ*. Beograd, 1992.

²¹ *Мартынова М.Ю.* Югославский федерализм. Есть ли у него будущее? // *Этнополюс. Оренбург*, 2000. №1; *Мартынова М.Ю.* Федерализм югославских // *Федерализм и региональная политика в полиэтничных государствах*. М., 2000.

²² При написании нескольких последующих разделов использованы материалы СМИ.

²³ *Ustavna povelja Državne zajednice Srbija i Crna Gora*.

²⁴ См.: Государственная программа европейской Сербии «Г-17 Плюс» и План действий по выполнению государственной программы европейской Сербии.

²⁵ Цит. по: *Biserko S.* Na evropskom pragu // *Helsinki povelja*. 2005. Br. 87-88. S. 3.

²⁶ О взаимоотношениях с Евросоюзом на русском яз. см.: *Нутчева Г., Хейссен М.* Сербия и Черногория // *Европеизация и разрешение конфликтов*. М., 2005; *Риччери М.* Евросоюз и Балканский регион. // *Современная Европа*. 2005. № 2.

²⁷ *Sahović M.* Očekivali su više // *Helsinki povelja*. 2005. Br. 79-80. S. 39.

²⁸ *Европеизация и разрешение конфликтов*. С. 151.

- ²⁹ См., в частности, ст. Игнатьева Р.Н. в кн.: Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства. М., 2000; Белорусско-русское пограничье. М., 2005.
- ³⁰ См., например: *Тихонов В.А.* Теория и практика многокультуры // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 335; он же. Этничность и политика. М., 2001.
- ³¹ *Бартоу Д.* Конфликт: теория человеческих потребностей. Лондон, 1990. С. 15.
- ³² *Helsinki Povelja*. 2005. № 79-80. С.5.
- ³³ *Nacionalni sastav stanovništva, domaćinstava i stanova 1981 godini // Statistički bilten*. Beograd, 1982. № 1295. S. 8, 14, 16, 18.
- ³⁴ Известия. 23.01.2006; Советская Россия. 24.03.2005.
- ³⁵ *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1999. № 128. С. 5.
- ³⁶ Устав Републике Србије. Београд, 1990.
- ³⁷ *Statistički godišnjak Jugoslavije 1989*. Beograd, 1989. S. 393-394.
- ³⁸ Там же. С. 373.
- ³⁹ *Иванова Ю.В.* Указ. соч. С. 7.
- ⁴⁰ Подлин Савезног завода за статистику // Вечерние новости. Београд. 02.04.1995; *Petrović R.* Etnički mešoviti brakovi // Sociologija. 1966. № 3. S. 91.
- ⁴¹ *Roux M.* Les Albanais en Yougoslavie. Minorité nationale territoire et development. Pariz, 1992. P. 149.
- ⁴² *Кашуба М.С.* Конфликтная ситуация в Государственном содружестве Сербия и Черногория // Меняющаяся Европа: проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006; *Komunal e KSA të Kosovës më 1983 – Të dhëna statistikore*. Prishtina, 1984. S. 32.
- ⁴³ *Roux M.* Les Albanais en Yougoslavie. Minorité nationale territoire et development. Pariz, 1992. P. 322.
- ⁴⁴ См.: *Dufzings G.* Religion and the politics of identity in Kosovo. London, 2000.
- ⁴⁵ Из Савезног Завода за статистику // Политика. 16.12.1989.
- ⁴⁶ Известия. 24.06.1992.
- ⁴⁷ *Democratic Processes and Ethnic Relations in Yugoslavia*. Belgrade, 1995. P. 10.
- ⁴⁸ Новости. 04.09.1994. С.7.
- ⁴⁹ Там же; Политика. 04.09.1994.
- ⁵⁰ Борба. 31.08.1994.
- ⁵¹ Илустрована политика. Београд, 24.09.1991. № 1716.
- ⁵² *Крстич В.* Између историјског и етичког права. Београд, 1994.
- ⁵³ Истина о геноциду на Косову и Метохији // Политика. 10.02.1990.
- ⁵⁴ *Maliqi S.* The Least Desirable Place of Settlement. War report. London, 1995. № 36. H. 16.
- ⁵⁵ *Rehberi I.* Where Yugoslav Refugees are welcome // War report. № 29. London, 1994. P. 10.
- ⁵⁶ Ibidem.
- ⁵⁷ *Strazzari F.* A Few Notes on Kosovo // MINELRES moderator - a forum for discussion on minorities in Central & Eastern Europe. <http://www.riga.lv/minerles/arhive.htm>.
- ⁵⁸ Цит. по: *Gorani D.* Albanien Political Debate // War Report. Apr, 1996. P. 13.
- ⁵⁹ *Strazzari F.* A Few Notes on Kosovo // MINELRES moderator - a forum for discussion on minorities in Central & Eastern Europe. <http://www.riga.lv/minerles/arhive.htm>.
- ⁶⁰ *Veselinov D.* Autonomy // War report. London, 1995. № 31. P. 33.
- ⁶¹ *Ванин Г., Жилин А.* Итоги войны на Балканах ясны даже сегодня // Независимая газета. 10.04.1999 – цит. по *Кашуба М.С.* Конфликтная ситуация в Государственном сообществе Сербия и Черногория // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006.
- ⁶² Human Rights Watch, 05.03.1998 // MINELRES. hrw.org.
- ⁶³ *Helsinki povelja*. Beograd, 1998. № 7. S. 6.
- ⁶⁴ Албанский терроризм в Косово и Метохи. Белград, 1998. С.17.
- ⁶⁵ *Михайлович М.* Космет и албанский терроризм // Сербия в мире. Декабрь 1997. С. 40.
- ⁶⁶ *Helsinki povelja*. Beograd, 1998. № 7. S. 30.
- ⁶⁷ *Мило К.Г.* Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002. С. 297–298.
- ⁶⁸ Новости. 11.12.1997.
- ⁶⁹ Время новостей. 23.03.05.
- ⁷⁰ *Helsinki Povelja*. 2005. № 79–80. С. 5.
- ⁷¹ См., например: *Рубинский Ю.* Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта // Косово. Международные аспекты кризиса. М. 1999. С. 214.
- ⁷² *Helsinki povelja*. 2005. № 79–80. С. 7.
- ⁷³ Там же. № 81–82. С. 12.
- ⁷⁴ Зери // Еженедельник. 14 июля 2005.
- ⁷⁵ Там же.